

О загробной жизни.

(Чтение, предложенное въ собраніи Київскаго релігіозно-просвѣти-
тельнаго Общества, 17 октября 1903 года)

Что ожидаетъ насъ за гробомъ?

Такой вопросъ осмѣливаюсь я предложить вашему про-
свѣщеному вниманію,—вопросъ, по словамъ св. Аѳанасія
Александрийскаго,¹⁾ чудный и дивный и сокрытый отъ людей.
Кажется, нѣтъ другого вопроса, въ решеніи и разъясненіи
котораго такъ изнемогала бы мысль человѣческая, какъ изпе-
могаетъ она при представлѣніи того, что будетъ съ нами по
смерти. Врата вѣчности, въ которую погружаемся мы, отхо-
дя изъ настоящей кратковременной жизни, заключены отъ
насъ и закрыты темпою завѣсою. Тамъ нѣтъ ничего доступи-
наго нашимъ чувствамъ и нашему наблюденію, собирающему
материалы для сужденій о предметахъ, входящихъ въ область
нашего разумѣнія. Тысячи и миллионы людей сокрылись отъ
насъ въ могилѣ и отошли въ невѣдомый край, и ни одинъ
изъ нихъ ни на мигъ не возвратился къ намъ, чтобы разска-
зать намъ, что встрѣтилъ онъ, ю сокрытіемъ тѣла его въ могилѣ.
„Никому изъ отшедшихъ на тотъ свѣтъ (говорить св. Гоанть

¹⁾ Посл. къ Антону вопр. и отв. 19.

Златоустъ),¹⁾ Богъ не позволяетъ приходить и разсказывать о томъ, гдѣ и какъ пребываютъ души, отшедши отъ насть, и это устроено съ тою цѣллю, чтобы демонъ, воспользовавшись этимъ, не ввелъ чего-либо отъ себя и не обольстилъ насть какими-либо призраками и обманами, и не распространялъ между людьми какого-либо нечестиваго ученія".

Но зачѣмъ (подумаете или скажете вы) избирать для бесѣды такой трудный и темный предметъ, скрытый отъ насть Богомъ?

Мы не вынесли изъ школы вопроса, нами поставленнаго;— это не уточненный вопросъ науки, интересующій немногихъ, а одинъ изъ самыхъ жгучихъ, жизненныхъ вопросовъ, неотвязчиво престѣдующихъ мысль нашу. Прошедшее, нами пережитое, мы оставляемъ позади и свои взоры устремляемъ впередъ къ развертывающемуся передъ нами будущему, ожидая отъ него удовлетворенія пашимъ желаніямъ, всегда новымъ, никогда не погасающимъ. Это будущее, постоянно стоящее предъ нашими глазами, всегда болѣе или менѣе гадательное, въ концѣ концовъ ставитъ предъ нами предѣлъ темнѣючиа ночи, за которымъ мы не видимъ никакихъ ясныхъ очертаній. Но чѣмъ гуще мракъ, окутывающій послѣдній день изъ отмежеваннаго пами круга времени и сгѣдующее за нимъ, тѣмъ напряженіе и неудержимѣе взоръ нашъ, взоръ всѣхъ, живущихъ на землѣ, сilitся проникнуть сквозь густое темное покрывало, скрывающее отъ насть нашу будущую, предстоящую намъ, участъ. Не только мы, длиннымъ рядомъ прожитыхъ лѣтъ приблизившися къ послѣднему предѣлу земного бытія, стоимъ въ трепетномъ недоумѣніи предъ вопросомъ о томъ, что съ нами будетъ, когда хладная и мрачная могила покроетъ тѣлесные останки наши, но и люди другихъ возрастовъ, надѣющіеся еще долго врацаться на землѣ, не

1) Св. Иоанна Златоуста бес. о Лазарѣ IV, 3 Твор. св. Иоанна Злат. т. I, кн. 2, стр. 281.

могутъ отстранить этого тяжелаго вопроса; потому что *всъмъ лежитъ единую умрети* (Евр. IX, 27), а потомъ...

А что потомъ? Во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ мы видимъ неустанныя покушенія перейти мыслю темныя грани гроба и разъяснить, что скрывается за этими темными границами. Но много-ли свѣта внесла въ эту темную область мысль человѣческая, предоставленная самой себѣ? Нѣть, какъ прежде, стоятъ и тысячелѣтія назадъ, стояла предъ мыслю человѣческою покрытая густымъ мракомъ загробная участъ наша, такою же темною стоитъ она и нынѣ.

Гдѣ-же найти памъ разъясненіе этой загадки, тревожащей мысль нашу? И не напрасно-ли мы беремся за разъясненіе сокрытаго отъ наась?

Мы не обѣщаемъ и не можемъ обѣщать вамъ полнымъ свѣтомъ освѣтить темную область нашего загробнаго будущаго, сокрытую отъ насъ премудрымъ изволеніемъ Божіимъ. Но намъ данъ и указанъ нѣкоторый просвѣтъ па эту темноту, указаны нѣкоторыя черты, по которымъ мы можемъ гадать, что будетъ съ нами, когда тѣло, оставленное душою, сокроется и истлѣеть въ могилѣ. По этимъ чертамъ мы можемъ отчасти уразумѣвать наше будущее, можемъ видѣть его, яко зерцаломъ въ гаданіи. Если Господу не угодно было даровать намъ полное знаніе послѣдней судьбы нашей, мы должны довольствоваться разумѣніемъ ея отчасти, въ той мѣрѣ, какая, для нашей душевной пользы, доставлена намъ премудрымъ Управителемъ судебъ нашихъ.

Но прежде, чѣмъ приступать къ уясненію труднаго и темнаго вопроса, мы считаемъ долгомъ, какъ подобаетъ христіанамъ, испросить божественную благодатную помощъ для благоуспѣшнаго совершенія предпринятаго дѣла. И язычники считали нужнымъ предъ разъясненіемъ трудныхъ вопросовъ обращаться съ молитвою къ читымъ ими богамъ о споспѣществованіи имъ въ трудномъ дѣлѣ. Такъ въ діалогѣ Пла-

тона „Тимей“ Кратій сдѣлалъ предложеніе Тимею изложить свои мысли о происхожденіи вселенной. Сократъ выразилъ согласіе на это и пригласилъ Тимея начать, но напередъ просялъ его, какъ слѣдуетъ по обычаю, призвать боговъ. „Ты правъ, Сократъ“, отвѣчалъ ему Тимей. „Всѣ, если сколько нибудь разумны, обыкновенно призываютъ боговъ предъ началомъ каждого дѣла, значительного ли то, или незначительного, тѣмъ болѣе должны обращаться къ богамъ мы, собираясь разсуждать о происхожденіи вселенной, если только не хотимъ быть безумными,— и просить ихъ, чтобы мы были въ состояніи прежде всего говорить, какъ имъ угодно, потому, что касается насть самихъ, чтобы, съ одной стороны, я ясно и правильно выражалъ свои мысли, а съ другой, вы легко понимали то, что я скажу“¹⁾). Вопросъ, нами поставленный, принадлежитъ къ разряду вопросовъ наиболѣе важныхъ, а онъ болѣе труденъ для решенія, чѣмъ, вопросъ о происхожденіи вселенной, и если язычникъ, непросвещенный свѣтомъ вѣры Христовой, не испросивъ небесной помощи, не рѣшался приступить къ рѣшенію поднятаго имъ вопроса, то не тѣмъ-ли болѣе это необходимо намъ,— намъ, которымъ дано божественное Откровеніе, и которымъ указано чрезъ апостола Духомъ Святымъ, что ми невольни есмы отъ себѣ помыслити чѣмъ, яко отъ себѣ, по довольство ищите отъ Бога (2 Кор. III, 5)?

Итакъ, призывая помощь свыше, съ боязнию, какъ бы не сказать чего-либо протившаго божественной истинѣ, приступаемъ мы къ разясненію темнаго вопроса, нами поставленнаго, по существу своему всѣхъ насть интересующаго.

Такъ какъ мысль человѣческая, предоставленная самой себѣ, изнемогаетъ сказать что-нибудь вѣрное и несомнѣнное о нашей загробной жизни, то мы должны обратиться къ выс-

¹⁾ Сочиненія Платона, перевед. Карповымъ, т. VI, стр 388.

шимъ руководителямъ, которые освѣщали цути нашей жизни, удостоиваясь откровенія отъ Духа Божія. У нихъ однихъ мы можемъ найти неложныя указанія въ вопросѣ, насть занимающемъ. Высшій Разумъ, бдящій надъ нами, озарялъ ихъ мысль, и благоволилъ чрезъ нихъ писпустить съ высоты небесъ нѣсколько лучей, при пособіи которыхъ мы можемъ чѣчто видѣть въ той темной области, въ которую вступимъ, по разлученіи съ тѣломъ. Мы будемъ стараться собирать и передавать вамъ отголоски, донесися до насть изъ высшаго божественнаго міра, и если позволимъ себѣ присоединять къ нимъ индѣ гаданія естественной мысли человѣческой, то не съ тѣмъ, чтобы подкрѣпить ими руководственныя указанія высшаго Разума, а чтобы оттѣнить ихъ этими гаданіями.

Но когда мы хотимъ раскрывать скрижали, содержащи указанія высшаго божественнаго Разума, намъ слышатся раздающіеся на распутіяхъ міра голоса не то легкомыслія, не то безотраднаго отчаянія.—Люди, руководимые одною стѣюю мыслю свою, не могши ничего разглядѣть за предѣлами гроба, думаютъ и говорятъ, что для насть смертію все кончается: истлѣть наше тѣло, и отъ насть и сльда не останется, кроме короткой памяти о насть у нашихъ близкихъ, и что напрасно обольщеніе падѣться на то, что для насть будутъ другая жизнь.

Малъ и началъ животъ нашъ (говорили во времена Соломона, говорягъ многіе и нынѣ)... Случайно мы рождены, и посты будемъ, какъ не бывши: дыханіе въ ноздряжахъ нашихъ дымъ, а слово—искра въ движениі сердца нашею. Койда она устанетъ, тьло обратится въ прахъ, а духъ разснетъся, какъ жидкій воздухъ. И имя наше забудется со временемъ... и жизнь проидеть, какъ сльзь облака, и разснетъся, какъ туманъ, разогнанный лучами солнца, и отяченный теплотою ею. Ибо жизнь наша—прохожденіе тыни, и нытье намъ возврата отъ смерти: ибо по-

можена печать, и никто не возвращается (Прем. Сол. II, 1—5).

Не слышится ли вамъ въ этихъ печальныхъ разсужденіяхъ отголоска мыслей и чаяній, вторгавшихся иногда въ потаенную храмину сердца вашего?

Премудрый, приведший такія слова, замѣчаетъ, что такъ могутъ разсуждать только не умѣющіе познавать тайны Божіи (Прем. Сол. II, 22), и закрывающіе глаза предъ явными судами Божіими. Источникомъ такихъ разсужденій онь считаетъ нечестіе и развращеніе сердца людей, ихъ высказывающихъ. *Сія помыслина и прельстишася: ослпи бо ихъ злоба ихъ* (Прем. Сол. II, 21). Люди отдаютъ себя въ рабство страстямъ своимъ, безъ удержу удовлетворяютъ и хотятъ развращенного сердца своего, не стѣсняясь дѣлающіи и насилия своимъ близкимъ, и вообще нарушаютъ и попираютъ законъ, данный намъ Богомъ въ управліє путей нашихъ. И вотъ, чтобы заглушить голосъ о праведномъ мздовоздаяніи за дѣла, идущій изъ глубины души нашей, они, для успокоенія себя, говорятъ: умремъ, и ничего не будетъ, а потому будемъ наслаждаться настоящими благами и спытывать пользою міромъ, какъ юностию (Прем. Сол. II, 6).

Не думаемъ, чтобы тяжелая и безотрадная мысль о подномъ уничтоженіи нашемъ по смерти была тверда и рѣшительна у самыхъ тѣхъ людей, которые ее высказываютъ. Въ душѣ нашей слышится голосъ, требующій жизни, не ограничивающейся узкими предѣлами данного намъ времени, и голоса этого не могутъ совершенно заглушить легкомыслению обрекающіе на полное уничтоженіе. И на нихъ могутъ находить, и нерѣдко,— минуты раздумья, и тогда сомнѣніе западаетъ въ нихъ душу, колеблетъ и подрываетъ тѣ помыслы, какими они хотятъ успокоить и оправдать себя въ своей преступной преданности страстямъ своимъ.

Противъ мысли о полномъ исчезновеніи нашемъ по смерти неумолкаемо говоритьъ сознаніе живущаго въ насть нравственнаго закона, основывающагося на неискоренимой въ насть идее правды. Какъ въ мірѣ физическомъ все живущее приносить плодъ по роду своему, который является непремѣннымъ слѣдствіемъ процесса, переживаемаго тѣмъ или другимъ живымъ существомъ, такъ точно должно быть и въ мірѣ нравственному. Наше нравственное самосознаніе требуетъ, чтобы каждое наше нравственное дѣйствіе сопровождалось соответствующимъ нравственнымъ слѣдствіемъ, чтобы плодомъ добродѣтели было доброе ощущеніе въ душѣ,—счастье или блаженство, а слѣдствіемъ порока—несчастіе или страданіе. Но въ настоящей жизни мы не видимъ соответствія между нравственными дѣйствіями и тѣми слѣдствіями, какими они сопровождаются. Порокъ часто торжествуетъ, а добродѣтель страждеть: люди нечестивые нерѣдко живутъ въ нѣгѣ и роскоши и пользуются всѣми благами міра, а люди, старающіеся о благоугожденіи Богу,—люди, которыхъ, по слову Писанія, *не бъ достоинъ весь міръ* (Евр. XI, 38), часто влачили и влачатъ на землѣ самую горькую жизнь, подвергаются крайнимъ лишеніямъ и испытываютъ тяжкія мученія, кончающіяся смертю. Гдѣ же правда (говорить наше внутреннее чувство)? Почему здесь такое нарушеніе закона міровой гармоніи, по которому вездѣ мы видимъ полное соответствие между сѣменемъ и плодомъ, между дѣйствиемъ и его слѣдствіемъ? „Ужели одна добродѣтель (говорить блаж. Феодоритъ),¹⁾ стоящая такъ много напряженія и борьбы, не приносить никакого плода?“ Нѣть, непремѣнно долженъ быть такой плодъ; непремѣнно она должна получить свою награду, а порокъ—соответствующее наказаніе. И если мы этого не видимъ въ настоящей жизни, то непремѣнно должна быть

¹⁾ Блаж. Феодорита слово о Провидѣнії 9-е.

другая жизнь, въ которой возстановится нарушенная здесь гармонія, и мы получимъ добрый или худой плодъ,—награду или наказаніе,—по роду тѣхъ дѣйствій, какія совершила душа наша въ періодъ земного бытія: „Если бы не было никакого другого доказательства въ пользу продолженія бытія души за гробомъ“, говоритьъ Ж. Ж. Руссо,¹⁾ „то одного факта торжества зла на землѣ и угнетенія добродѣтели было бы достаточно, чтобы удержать меня отъ сомнѣнія въ той истинѣ. Столь возмутительный диссонансъ въ общей гармоніи міра необходимо заставляетъ меня искать его разрѣшенія. Я необходимо долженъ сказать себѣ: нѣтъ, не все кончается для насъ съ этой жизнью; все должно по смерти прийти снова въ надлежалій порядокъ“.

Премудрый наставляетъ нась, что такъ и будетъ, что въ будущей жизни послѣдуетъ воздаяніе за дѣла наши, нынѣшнее время—время съянія, а жатва будетъ, когда мы, вышедши изъ тѣла, перейдемъ въ иной мірь. *Праведныхъ души* (говорить онъ) *въ руки Божієї...* *Въ глазахъ неразумныхъ они казались умершими, и исходъ ихъ считался погибелю, и отществие отъ насъ уничтоженіемъ:* но они пребываютъ въ мірѣ. Ибо хотя они въ глазахъ людей и наказываются, но надежда ихъ полна безсмертія. Во время воздаянія имъ они воссіаютъ, какъ искры, бѣнуція по стеблю (Прем. Сол. III, 1—4. 7). Другой Премудрый—сынъ Сираховъ,—согласно съ этимъ, говоритъ: *боящемуся Господа благо будетъ напослѣдокъ, и въ день скончанія своего обрящетъ благодать* (Сир. I, 13).

На чёмъ основываются свои безотрадные взгляды обрекающіе себя на полное исчезновеніе по смерти? Очевидно на томъ только, что мы ничего не знаемъ о будущей загробной жизни, и нѣтъ для нась прямыхъ доказательствъ ея,—на томъ, что внѣшнія чувства наши, которыми мы восприни-

¹⁾ Emile. IV. Безсмертіе души. В. Кудрявцева, стр. 98.

маємъ впечатлінія отъ міра, виѣ насть существующаго, никакихъ данихъ не сообщаютъ намъ о загробной жизни. Но логично ли, разумно ли отрицать действительность того, что неизвестно? Мало ли чего мы не видимъ? Мало ли чего мы не знаемъ? Ужели мы должны признать несуществующимъ все, чего не знаемъ и что не подлежитъ нашимъ чувствамъ? *И Бога никтоже видѣ нигдѣже* (Іоан 1, 18); а между тѣмъ (говорить Псаломщвецъ) только безумный можетъ сказать, *нѣсть Богъ* (Псал. XIII, 1).

Не подлежитъ загробная жизнь нашимъ виѣшнимъ чувствамъ. Но кромѣ виѣшнихъ чувствъ у насть есть чувство внутреннее, болѣе глубокое, непосредственно связанное съ нашимъ силою познанія. Это внутреннее чувство ставить насть въ соприкосновеніе съ высшимъ духовнымъ міромъ и даетъ намъ предо誓вать тайны этого, незримаго нами, духовнаго міра. Изъ него исходитъ неумолкаемый протестъ противъ грубаго, искусственно навязываемаго многими, ученія, ограничивающаго нашу жизнь предѣлами одного матеріального міра. Отсюда у всѣхъ народовъ, стоящихъ на разныхъ степеняхъ развитія и культуры, есть неискоренимое убѣжденіе, что смертю не все для насть кончается, и наступить для насть послѣ смерти новая жизнь. Во всѣхъ религіяхъ, какія только существовали и существуютъ въ родѣ человѣческомъ, вѣрованіе въ загробную жизнь составляетъ одинъ изъ краеугольныхъ кампей, наравнѣ съ вѣрованіемъ въ бытіе верховнаго Существа—Бога. Всюду мы видимъ молитвенное поминовеніе умершихъ и почитаніе ихъ, превратившееся у иныхъ народовъ въ культу предковъ: это свидѣтельство того, что, по общенародному вѣрованію, не преданы уничтоженію умершіе, а живутъ въ другомъ мірѣ другою, отличную отъ нашей, жизнью. Это убѣжденіе, въ силу своей всеобщности, не могло явиться вслѣдствіе какого-либо обольщенія. Оно вырастаетъ изъ души, созданной бессмертною; въ нее вложено изначала

чувство бессмертія, вмѣстѣ съ чувствованіемъ бытія своего. Божъ, по слову Премудраго, *смерти не сотвори*. Будучи неизыкаемымъ источникомъ жизни, Онъ *создалъ человѣка не для истины, и содѣлалъ его образомъ вѣчнаго бытія своего* (Прем. Сол. II, 23). *Смерть послѣ вошла въ міръ завистью діавола, какъ объясняетъ Премудрый* (Прем. Сол. II, 24). Она въ родѣ нашемъ нѣчто неестественное, противное нашей природѣ. Отъ того всѣ мы боимся смерти, какъ чего-то чуждаго намъ, какъ грозной кары, висящей надъ нами. У всѣхъ насть ничѣмъ незаглушаемое желаніе жить и жить нескончаемые вѣки. Это желаніе называютъ зарею, предвестникомъ и предоющицемъ жизни будущей, нами ожидаемой и насть ожидающей.

Во всеобщихъ вѣрованіяхъ въ загробную жизнь намъ слышатся отголоски древняго преданія, идущаго отъ нашего родоначальника. Созданный по образу Божію, онъ чувствовалъ себя бессмертнымъ и видѣлъ, какимъ образомъ онъ подвергся наказанію смертію, но въ то же время его утѣшало обѣтованіе, что это наказаніе не вѣчное, и что Господь снова воздвигнетъ его для жизни блаженной, нескончаемой. Забыть источникъ этого преданія, но оно глубоко зашло въ души его потомковъ, и съ распространениемъ рода человѣческаго распространялось по всему лицу земли, и никакія умствованія не въ силахъ уничтожить его. Хотятъ подавить его въ себѣ единицы, пожалуй, сотни, но тысячи и миллионы хранятъ его и не могутъ представить человѣка безъ вѣры въ его вѣчное назначеніе.

Укажутъ не ожидающіе ничего для себя послѣ смерти, кромѣ полнаго и окончательного уничтоженія, на бездыханное и неподвижное тѣло умершаго, которое скоро послѣ смерти предается тѣнію и исчезаетъ въ массѣ бездушной матеріи. Но кромѣ бреншаго тѣла у насть есть душа, отличная отъ матеріи. Изъ персти Господь создалъ наше тѣло, но

въ это перстное тѣло. Онъ вдунулъ дыханіе жизни (Быт II, 7), которое, будучи неоднородно съ тѣломъ, и не имъ порожденное, не можетъ быть уничтожено вмѣстѣ съ перстю.—Душа наша существо простое, недѣлимое, не сложенное изъ материальныхъ частицъ. Тѣло, когда умираетъ, разлагается на составныя части, и разрушается связь, сдерживающая ихъ въ единствѣ. Но въ простой душѣ немыслимо никакое разложение. Эта душа проявляетъ свою жизнь и силу въ мысли, въ чувствѣ, въ желаніяхъ и рѣшеніяхъ, и при измѣненіи тѣла она сознаетъ себя единымъ, самостоятельнымъ существомъ. Связываютъ эту силу души мыслить, чувствовать и желать, и вообще сознавать себя, съ нервными узлами, составляющими утонченную часть нашего тѣла. Но эти нервные узлы—часть матеріи мертвой, неспособной къ сознательной жизни: предоставленные самимъ себѣ и не возбуждаемые силою, вышею матеріи и господствующею надъ нею, они представляютъ инертное тѣло, рѣшительно неспособное къ какой-либо самостоятельной дѣятельности. Узлы эти остаются на своемъ мѣстѣ, когда душа оставляетъ тѣло, и не теряютъ своей формы; а между тѣмъ тогда отъ нихъ не видно никакого проявленія жизни, а тѣмъ болѣе мысли, сознательного чувства и вольныхъ движений. Правда, безъ нихъ душа не можетъ входить въ сношенія съ вѣнчанимъ міромъ, получать отъ него впечатлѣнія и воздѣйствовать на него. Но это отнюдь не служить основаніемъ къ отрицанію самостоятельности души. Премудрому Творцу угодно было соединить бессмертный духъ съ перстнымъ тѣломъ, и этому тѣлу назначить служеніе для сношенія духа нашего съ вѣнчанимъ міромъ. Но органы тѣла, служащіе душѣ,—положимъ, нервы наши,—отнюдь не самая душа. Они—машина, которыми пользуется душа, входя въ сношеніе съ видимымъ міромъ. Машинѣ дѣйствуетъ, пока ею управляетъ живая умная сила, какою въ данномъ случаѣ является бессмертная душа.

По разрушениі машины, живая сила, ею управлявшая, остается, хотя безъ нея во вѣшнемъ мірѣ онцрежнему дѣйствовать не можетъ. У этой живой силы есть вѣчный домъ, въ который отходитъ она, по оставленіи тѣла, съ которымъ была связана въ назначенные ей дни земного существованія. И вотъ, когда наступаетъ предѣлъ этого земного существованія, перстное тѣло возвращается въ землю, изъ которой создано оно, а духъ возвращается къ Богу, который дасть его (Еккл. XII, 7). Такъ говоритъ премудрый Екклезіастъ, вдохновляемый Духомъ Божіимъ.

И безъ указаній свыше, здравой мысли видна самостоятельность души, могущей существовать и безъ связи съ тѣломъ, и не умирающей вмѣстѣ съ тѣломъ. Люди философствующей мысли, пользующіеся наибольшимъ авторитетомъ въ исторіи человѣческаго мышленія, единогласно признаютъ это. „Разумная душа (говоритъ одинъ изъ нихъ—Аристотель)—бессмертна; она не рождается съ тѣломъ и не умираетъ съ нимъ... Она частица божества и по смерти тѣла возвращается къ своему источнику“. „Когда человѣкъ умираетъ (говорить другой—Плотинъ), тогда душа покидаетъ тѣло, какъ одежду, и улетаетъ въ горнія“.

На эту самостоятельность души, могущей жить и имѣющей жить и безъ тѣла, указываетъ и Господь, когда говоритъ: *не убийтеся отъ убивающихъ тѣло, душа же не можетъ убить* (Мате. X, 28). Тѣло убитаго погибаетъ, а душа, по словамъ Господа, не подвергается смерти, а остается и будетъ продолжать свое существованіе.

При взглядѣ на порядокъ, существующій въ мірѣ, душа наша никакъ не можетъ мириться съ мыслю о нашемъ полномъ уничтоженіи, угрожающемъ намъ по представлению неразумія человѣческаго. Въ мірѣ, нами обитаемомъ, все прекрасно устроено; вездѣ мы видимъ ясные слѣды мудрости, силы и благости Мироправителя, повергающіе въ благоговѣйное

изумлениe мыслящаго наблюдателя. Какая повсюду чудная гармония! Какая мудрая целесообразность! Каждому твореню назначено свое служение и указана цель, которая въ рядъ существъ непремѣнно осуществляется безсознательною силою, имъ данною. Блаженство бытія разлито повсюду: все довѣрять само по себѣ: всѣ, вложенные въ творенія, силы безпрепятственно разливаются, и чувствуется наслажденіе жизнью отъ удовлетворенія потребностей и стремлений, составляющихъ жизненную силу природы тварныхъ существъ. И вдругъ, на высшихъ степеняхъ бытія такой диссонансъ! Вѣнецъ творенія—человѣкъ, одаренный чрезвычайными силами, неизмѣримо возвышающійся надъ всѣмъ твореніемъ,—обречеи на гибель и уничтоженіе! Дать ему такія силы, вложить въ него возвышенныя стремленія къ миру идеальному, сообщить ему вдохновенія, влекущія его отъ земли къ небу, призвать его на уготованный ему цирь жизни,—и потомъ погубить его чрезъ краткій промежутокъ времени, не давъ удовлетворенія его высшимъ стремленіямъ—представленіе такое стоитъ въ совершенномъ противорѣчіи свойствами верховнаго Правителя вселенной, явно отпечатленными на всемъ великомъ разнообразіи тварей. Это совершенно разрушило бы дивную гарантію, господствующую въ мірѣ, какою всѣ мы поражаемся. Творецъ сдѣлая бы насъ самыми несчастными изъ своихъ созданий, если для насъ смертю все кончается. *Аще въ животь семь точио уповающе есмы во Христа, окаяннѣйшиими всльхъ человѣкъ есмы (I Кор. XV, 19),* говоритьъ апостолъ.

Но нѣтъ! Творецъ, котораго мы не можемъ представить иначе, какъ всеблагимъ, премудрымъ и всесильнымъ, не могъ уготовать намъ такой печальной участіи. Наша нынѣшняя жизнь, такая краткая, такъ полна скорбей, не дающая намъ искомаго нами счастія—не послѣдній удѣль нашъ. Будетъ другая жизнь, и мы будемъ жить и постъ того, когда

душа наша разлучится съ тѣломъ Настоящая жизнь наша—талантъ, данный намъ Богомъ въ употреблениѣ для того, чтобы мы пріобрѣли на него блаженство въ жизни будущей, нескончаемой. Это—приносимая нами земная плата за обѣщанныя намъ райскія утѣхи въ жизни загробной. Во время земной жизни мы какъ бы плаваемъ по бурному житейскому морю, а въ часть смерти входимъ въ тихую пристань, въ которой находимъ успокоеніе отъ треволненій, нами испытанныхъ, и отдохновеніе отъ трудовъ, нами понесенныхъ.

Святые Божіи, которые, при помощи благодати Божіей, и во плоти жили духомъ,—предо誓али блаженство жизни будущей, и, предпочитая ее нынѣшней многомятежной жизни, желали отрѣшиться отъ тѣла и съ радостію переступали порогъ земнаго бытія, за которымъ открывалась для нихъ новая лучшая жизнь. Таковъ святый апостоль Павель. *Вѣмы (говорить онъ), яко аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы, храмину неfurkотвреншу, вѣчну на небесахъ. Ибо о семъ воздыхаемъ, въ жилище наше небесное облещися желающе...* Ибо сущіи въ тѣль сеmъ воздыхаемъ отликаеми .. вѣчице, яко живуще въ тѣль, отходимъ отъ Господу. *Дерзаемъ же (благодушествуемъ) и благоволимъ паче отъими отъ тѣла и винти ко Господу* (2 Кор. V, 1—2. 4. 6. 8). Мнъ (говорить онъ о себѣ въ другомъ мѣстѣ) еже жити—Христосъ; и еже умрети пріобрѣтеніе. Если же жизнь во плоти доставляетъ плодъ моему дулу; то не знаю, что избрать. Влечетъ меня то и другое: имью желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ; потому что это несравненно лучшее (Фил. 1, 21—23). А великий сонмъ мучениковъ! Они съ благодушіемъ, радостію и благодареніемъ Богу принимали самую ужасную смерть,—съ благодушіемъ и радостію потому, что эта смерть отверзала для нихъ ворота рая и открывала доступъ на небо, въ жилище блаженныхъ духовъ.

Когда первомуученика архидіакона Стефана побивали камнями, онъ увидѣлъ надъ собою отверстныя небеса, и Сына человѣческаго, стоящаго одесную Бога, и укрѣпляемый силою вѣры, сохрания удивлявшее гонителей спокойствіе, молился, говоря: Господи Іисусе, прійми Духъ мой (Дѣян. Апост. VII, 23).

Какъ-же будетъ жить душа, когда выдеть изъ бренного тѣла? Въ этомъ главная и трудная загадка для нашей мысли, и на уясненіи ея мы хотимъ сосредоточить свое и ваше вниманіе.

Само собою разумѣется, что жизнь души за гробомъ будетъ совершенно отлична отъ жизни настоящей, и по явленіямъ, видѣніямъ нами въ мірѣ материальному, нами обитаемому, мы не можемъ составлять о ней болѣе или менѣе яснаго представленія. Не будетъ вицѣнныхъ чувствъ и первыхъ узловъ, пособіями которыхъ она пользуется до разлученія съ тѣломъ, при сношенніи съ вицѣннымъ міромъ. Въ замѣнъ вицѣнныхъ чувствъ у ней разовьется чувство внутреннее, которымъ она будетъ воспринимать впечатлѣнія отъ существъ, вицѣ ея находящихся. Это чувство находится въ ней и нынѣ, но стѣсненное грубою тѣлесною оболочкою, оно не можетъ проявлять всей своей силы. По слову Писанія, нынѣ тѣло тлѣнное отягощаетъ душу, а земное жилище обременяетъ духъ мноюопечителенъ (Прем. Сол. IX, 19). Вышедши изъ этого тѣснаго земнаго жилища, она будетъ чувствовать себя свободною на широкомъ просторѣ нового міра, который предъ нею откроется, и ея не будутъ сдерживать разные материальныя препятствія, нынѣ ее ограничивающія. По представленію философа Платона, „наша душа въ сей жизни находится въ тѣлѣ, какъ бы въ темницѣ; какъ бы скованная узами, она принуждена смотрѣть на все существующее не сама чрезъ себя, а сквозь тѣло, какъ бы чрезъ решетку темницы. Тѣло препятствуетъ пріобрѣтенію истиннаго знанія или истины, которая воспринимается не чувствомъ, но чи-

стымъ мышлениемъ. По указанію опыта, душа мыслить лучше тогда, когда ничто не беспокоитъ ее, ни слухъ, ни зрѣніе, ни печаль, ни удовольствіе, и когда, оставивъ тѣло и сколько возможно удалившись отъ общенія съ нимъ, она бываетъ одна сама по себѣ и стремится къ сущему¹⁾). У насъ и въ здѣшней жизни, когда поражено бываетъ одно чувство, напримѣръ, зрѣніе, въ замѣнъ его усиленно развиваются другія чувства,—слухъ и осозаніе. Когда же всѣ внѣшнія чувства будутъ отняты, тогда естественно душа изощритъ присущее ей чувство внутреннее, которое будетъ замѣнять утраченныя чувства внѣшнія. Не будетъ ока тѣлеснаго; но вместо него будетъ дѣйствовать око духовное, и при пособіи его мы будемъ воспринимать не внѣшніе только предметы, но придемъ въ соприкосновеніе съ предметами чисто духовными, теперь не подлежащими нашему наблюденію.

Въ какомъ видѣ мы можемъ представлять бытіе души, разлучавшейся отъ тѣла? Мы не можемъ представлять ее безвиднымъ паромъ, теряющимся въ воздушныхъ пространствахъ. Она сохранить пѣкія тилическія формы своей личности, неуловимыя и недоступныя нынѣ для нашего глаза. У ней будетъ свой опредѣленный видъ и образъ, которымъ она будетъ отличаться отъ другихъ, и по которому ее будутъ узнавать другіе. По слову Господа въ притчѣ о богатомъ Лазарѣ, когда умеръ Лазарь, душу его несли ангелы. Конечно, эта, несомая ангелами, душа была для нихъ такою же, со средоточеною въ себѣ и отличною отъ другихъ, особью, какою служимъ мы другъ для друга. Даѣще, по указанію той-же притчи, умершій богачъ увидѣлъ и узналъ Лазаря, сидящаго на лонѣ Авраама, узналь и Авраама, и между ними открылись сношенія, которыхъ были бы немыслимы, если-бы

¹⁾ Чедонъ въ перев. парпова, бессмертіе души В. Кудрявцева, стр. 32.

души умершаго Лазаря и богача не имѣла опредѣленнаго вида. Когда святымъ отцамъ приходилось говорить о томъ, какъ будетъ существовать душа, по освобожденіи отъ тѣла, они утверждаютъ, что у ней будетъ своя, не материальная, личная форма. Такъ святый Макарій Великій говоритъ, что ангелы и души человѣческія имѣютъ свой видъ и образъ, и что этотъ видъ и образъ души человѣческой есть образъ и видъ вѣнчанаго человѣка. Но его словамъ, грубое тѣло человѣческое служитъ одеждою для тонкаго тѣла души¹⁾), и онъ, въ понясненіе и доказательство этого, приводитъ свидѣтельство, что совершенѣйшіе изъ христіанъ, очищенные и просвѣщенные Святымъ Духомъ, видятъ образъ ея, на что представляется много свидѣтельствъ въ житіяхъ святыхъ. Св. священно-мученикъ Ириней такъ говорить о формѣ души: „какъ вода, влитая въ сосудъ, будетъ имѣть форму сосуда, въ которомъ она замерзла, такъ и душа имѣтъ видъ тѣла, и почему она приспособлена къ этому сосуду“. Нашъ русскій святитель, отличавшійся подвижническою жизнью, известный Игнатій Брянчаниновъ приводить (въ словѣ о смерти) свидѣтельства двухъ отшельниковъ (монаха Василиска, скончавшагося въ 1825 году, и схимонаха Игнатія, скончавшагося въ 1832 году) о томъ, что они во время молитвы внезапно увидѣли свои души исшедшими изъ тѣла и стоящими на воздухѣ. Души представлялись имъ тѣлами тонкими, єеирными, летучими, по виду сходными съ тѣломъ тѣломъ, въ которому онѣ обитали.

Очень хорошо знаю я, что свидѣтельства, почерпнутыя изъ житій святыхъ, для многихъ кажутся мало убѣдительными, хотя они не менѣе достовѣрны, чѣмъ другія историческія сказанія о временахъ отдаленныхъ, легко принимаemyя на вѣру. Для сомнѣвающихся мы считаемъ неизлиш-

¹⁾ Макарій Вел. бес. 7 п. 9.

нимъ привести суждения людей совершенно противоположнаго лагеря, смотрящихъ на дѣло не съ богословской, а съ рационалистической точки зрѣнія. Нѣкто Сабатье, деканъ естественно-исторического факультета въ Монпелье, а прежде профессоръ женевскаго университета, разсуждая о жизни и смерти съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма, приходитъ къ заключеніямъ, согласнымъ съ представленіями о формѣ и образѣ души, прежде нами высказанными. „Настоящее тѣло наше (говорить онъ)—служебное орудіе для духа нашего, которымъ онъ пользуется, ища удовлетворенія своимъ высшимъ потребностямъ. Когда же это служебное орудіе, жертва высшихъ потребностей, сдѣлается неспособнымъ къ новому совершенствованію и уже не дастъ все, что можетъ дать, то надо полагать, что явится какой-нибудь другой организмъ, который будетъ соотвѣтствовать требованіямъ прогресса. Другое тѣло, состоящее изъ иной матеріи и способное, не умирая, достигнуть степени организаціи, соотвѣтствующей высшимъ состояніямъ, можетъ позволить духу подняться еще на новую степень совершенства“. Будетъ ли это новое тѣло материально? Въ отвѣтъ на это Сабатье говоритъ: „мы не знаемъ ни того, что такое матерія, ни того, въ какихъ состояніяхъ она можетъ находиться. Вѣдь сколько формъ матеріи существуетъ такихъ, какихъ мы не знаемъ! Вѣроятно, существуютъ невѣсомыя и неосозаемыя формы матеріи, а кто знаетъ, не будетъ ли соотвѣтствовать одной изъ этихъ формъ та физическая группировка, которая должна занять мѣсто настоящаго тѣла“¹⁾). Раскрывая подробнѣе свою мысль, Сабатье полагаетъ, что душа или, по его словамъ, духовная (психическая) личность сохраняетъ прочность и организацію и послѣ разрушенія грубаго тѣла, и сама образуетъ новый организмъ или новую форму, которая была бы въ состояніи

¹⁾ Сабатье Жизнь и смерть. Пер. Обрѣмова, стр. 200—201.

сохранить ея целость. „Если земной организмъ (говорить онъ) былъ произведеніемъ духа, если темная и слабая психическая сила могла образовать грубую земную пласму, то можно предположить, что психическая сила, сдѣлавшаяся личностю, можетъ, въ свою очередь, организовать нечто въ родѣ загробной пласмы, тонкой и могучей, способной организовать аккумуляторъ высшей психической жизни. Этотъ новый аккумуляторъ долженъ состоять изъ чего-то, что мы называемъ матеріей, но матеріи болѣе легкой, болѣе свободной, отличающейся болѣе гармоническимъ строеніемъ. Если глазъ наблюдателя и не можетъ открыть присутствія этого нового организма,—тонкаго, лёгкаго и нѣжнаго внутри организма мозгового, то во всякомъ случаѣ факты даютъ намъ право догадываться, если не быть увѣренными, что осозааемая, вѣсомая матерія проникнута вполнѣ матеріей неосозаемой и невѣсомой. Матеріальная среда, называемая физиками эоиромъ, природа которой намъ совершенно неизвѣстна, но которую наука считаетъ вполнѣ возможной, хотя наши чувства и не въ состояніи ея открыть,—эта среда, служащая ареной для свѣтовыхъ, тепловыхъ, электрическихъ и магнитныхъ вибрацій и многихъ другихъ, неизвѣстныхъ намъ, силъ, проникаетъ свѣтищаяся, нагрѣтая, наэлектризованныя, намагниченная тѣла, является для этихъ силъ тонкой, неосозаемой средой внутри среды видимой и осозаемой. Не будетъ-ли такой эоирный организмъ и у нашего духа, по оставленіи имъ грубаго, дебелаго тѣла?“¹⁾.

Существование этого эоирного организма у души, оставляющей разлагающійся тѣлесный организмъ, Сабатье доказываетъ фактами, получившими название фактовъ телепатіи, которые состоятъ въ томъ, что человѣку вдругъ представ-

¹⁾ Сабатье. Безсмертіе съ точки зреіїя эволюціоннаго натуралізма, пер. Обрямова, стр. 103—105.

ляется лицо его родственника или отсутствующего друга, и онъ узнаеть потому, что въ моментъ явленія призрака скончалось лицо, явившееся другу или родственнику. Факты такого рода очень многочисленны, и, вѣроятно, многимъ изъ васъ случалось слышать о подобныхъ явленіяхъ. Мы приведемъ два, три случая, записанные людьми, заслуживающими полнаго довѣрія. Одинъ случай записанъ поэтомъ Жуковскимъ, и подтвержденье извѣстнымъ Пироговымъ. У одной дамы въ Москвѣ былъ боленъ любимый сынъ, у постели которого она сидѣла и ночью. Все вниманіе ея было сосредоточено на страждущемъ младенцѣ, и вдругъ она видитъ, что въ дверяхъ ея горницы стоитъ ея родственница Мойеръ, жившая въ Лифляндіи, въ Дерптѣ. Явленіе было такъ живо, что мать, забывъ ребенка, обратилась съ распостертыми объятіями къ вошедшей родственницѣ. „Это ты Мойеръ?“ Но посѣтительница мгновенно исчезла. Оказалось, что въ этотъ самый часъ Мойеръ умерла отъ родовъ въ Дерптѣ¹⁾.

Въ словарѣ достопамятныхъ людей русской земли Бантышъ-Каменского разсказывается о нѣкоей Екатеринѣ Ивановнѣ Штакельбергъ, бывшей фрейлиной при Екатеринѣ II, следующее: однажды она, въ бытность Высочайшаго Двора въ Царскомъ Селѣ (1767 г.), находясь при Дворѣ, занималась своимъ туалетомъ въ присутствіи нѣсколькихъ молодыхъ по-другъ. Среди полнаго веселья, она, какъ бы невольно, взглянула въ окно, потомъ еще разъ взглянула съ большимъ удивленіемъ, а затѣмъ и въ третій разъ, причемъ, вскочивъ съ кресла, вскрикнула: батюшка пріѣхалъ и подходитъ къ окну! Она побѣжала на встрѣчу къ отцу въ садъ, но тамъ никого не было, и послѣ долгихъ розысканій она убѣдилась, что родитель ея не пріѣжалъ. Когда рассказали объ этомъ Императрицѣ,—она велѣла записать день и часъ видѣнія. Чрезъ нѣсколько дней было получено извѣстіе изъ Риги о кончинѣ

¹⁾ 6-я книга сочиненія Жуковскаго. Ст. „Чѣчто о прорѣдѣніяхъ“,

отца фрейлины Штакельбергъ, и именно въ тотъ день и часъ, когда онъ являлся дочери.¹⁾

Еще замѣчательный разсказъ передается о князѣ Владимира Сергеевича Долгорукомъ, бывшемъ посланникомъ при прусскомъ дворѣ, въ царствованіе Фридриха II. Онъ заразился вольномысліемъ, увлекался Вольтеромъ, Даламберомъ и другими, и совершенно потерялъ вѣру, въ которой былъ воспитанъ. У него былъ набожный братъ, который очень огорчался увлеченіями и безвѣремъ брата, писалъ ему письма, въ которыхъ старался убѣдить его, что онъ въ заблужденіи, что безъ истинной вѣры путь для человѣка счастія и т. под. Но Долгорукій только смеялся надъ убѣжденіями вѣрующаго брата. Однажды онъ, возвратясь отъ короля и чувствуя усталость, накрою раздѣлся, бросился въ постель и задремалъ. Вдругъ слышитъ онъ: кто-то отдергиваетъ его занавѣсь, приближается къ нему, и холодная рука прикасается къ его рукѣ, даже жметъ ее. Онъ смотритъ, видитъ брата и слышитъ отъ него: „вѣрь“. Обрадованный неожиданнымъ явленіемъ брата, князь хочетъ броситься въ его объятія, но вдругъ видѣніе исчезаетъ. Онъ спрашиваетъ слугъ: куда дѣвался братъ? Всѣ говорятъ ему, что никакого брата къ нему не явилось. Князь старался увѣритъ себя, что это сонъ, мечта, но слово „вѣрь“ не перестаетъ раздаваться въ его ушахъ и не даетъ ему покоя. Онъ записалъ число, часъ и минуту видѣнія и вскорѣ получилъ извѣстіе, что въ этотъ самый часъ и минуту скончался братъ его. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался набожнымъ и вѣрующимъ христіаниномъ и часто рассказывалъ другимъ объ этомъ видѣніи^{2).}

¹⁾) Словарь дост. людей русской земли Бантышъ-Каменского, изд. 1836 г., т. V, стр. 94—95.

²⁾) Утѣшеніе въ скорби близк. сердцу, стр. 95—6. Разсказы приводятся по книгѣ іеромонаха Матрофана: „Какъ живутъ наши умершіе, и какъ будемъ жить и мы по смерти“. Т. 1—92—94.

Рассказывалъ покойный митрополитъ Киевскій Шлатонъ, что, въ бытность его инспекторомъ петербургской Академіи, онъ принималъ большое участіе въ положеніи одного студента, подвергшагося тяжкой болѣзни, и что разъ ночью, часу въ первомъ или во второмъ, когда онъ еще не спалъ, вдругъ является предъ нимъ этотъ студентъ, хотя двери его комнаты были заперты, и потомъ исчезаетъ; узнаеть онъ утромъ, что въ тотъ часъ, когда явился ему студентъ, душа его отошла въ вѣчность.

Эти явленія, какихъ можно привести очень много, не служатъ ли доказательствомъ того, что въ тяжелый моментъ смерти или разлученія съ тѣломъ душа умирающаго хочетъ дать знать о себѣ тому, съ кѣмъ связана была тѣсными узами во время земнаго существованія, и для того является ему въ своемъ эѳирномъ тѣлѣ.

Многіе считаютъ сказанія о подобныхъ явленіяхъ бабьими предразсудками. Но довольно большой кружокъ добросовѣстныхъ исследователей собираетъ факты подобного рода и, придавая имъ реальное значеніе, будить серьезную мысль къ обсужденію загадочныхъ явлений. И можетъ быть (говорить Сабатье) придетъ время, „когда человѣчество признаетъ за этими смѣлыми и искренними людьми доказательство одной изъ важнѣйшихъ истинъ въ исторіи человѣческой личности“¹⁾.

Когда апостолъ Павель восхищентъ былъ въ рай и слышалъ тамъ неизреченные глаголы, ихже не лѣть есть человѣку глаголати, онъ, какъ самъ изъясняетъ, не знаетъ, въ тѣлѣ ли онъ былъ тогда, или внѣ тѣла (2 Кор. ХП, 2—4). Не будетъ противно истинѣ, если мы скажемъ, что не тѣломъ вознесенъ онъ былъ въ рай, а душа его, благодатию Божію отдѣлившаяся отъ тѣла, хотя и не порвавшая сношенія съ нимъ, унесена была туда, и душа эта была тотъ эѳир-

¹⁾ Сабатье. Бессмертіе души съ точки зреїнія эволюціоннаго натурализма, стр. 109—110.

ный организмъ или образъ, ей присущій, который, не стѣсняемый дебелымъ тѣломъ, могъ переноситься чрезъ многія пространства, туда, куда не можетъ проникнуть наше тѣло, вѣсомое, повинующееся закону тяготѣнія.

Проявляется ли, и въ чемъ проявляется жизнь и дѣятельность души, послѣ смерти, по разлученіи съ тѣломъ?

Жизнь души, по отдѣленіи отъ тѣла, нѣкоторые представляютъ покоемъ, напоминающимъ собою глубокій непрородный сонъ. Но такое представление не согласуется съ тѣми свойствами, какими обладаетъ существо души, освободившейся отъ тѣла, и съ тѣми указаніями, какія даютъ намъ касательно этого предмета священные писатели. Покой, въ какой входитъ душа по смерти,—покой отъ трудовъ и заботъ земныхъ, но не бездѣятельность. Съ душой остается сознаніе,—яя существенная характеристическая черта,—сознаніе своей самости, остается мысль, остается чувство и желаніе, возбуждающее къ известного рода дѣятельности. *Блажени мертвii, умирающiи о Господи* (говорить Тайновидць). *Ей, глаолемъ Духъ, да почiютъ отъ трудовъ своихъ, и затѣмъ прибавляеть: дѣла бо ихъ ходятъ всльдоъ съ ними* (Апок. XIV, 13). Если вслѣдъ съ ними ходять дѣла, то они не остаются непричастными ни къ какой дѣятельности. Апостоль, говоря о покой, какой обѣтованъувѣровавшимъ въ Господа, сравниваетъ его съ тѣмъ покоемъ, какой наступилъ для Творца, по окончаніи дней творенія. *Оставлено есть субботство людемъ Божiимъ. Вшедый бо въ покой Ею, той почи отъ дѣлъ своихъ, якоже отъ своихъ Богъ* (Евр. IV, 9—10). Но послѣ для покоя Божій не изсякла творческая сила, и все-могущая десница Божія, управляющая міромъ, не оставалась въ бездѣйствіи покоя. *Отецъ мой* (говоритъ Господь) *досель дѣлаетъ и азъ дѣлаю* (Иоан. V, 17). Подобно этому, не прекращается и дѣятельность души, вошедшей въ покой Божій, по окончаніи земныхъ трудовъ,—только она принимаетъ

другой характеръ, проявляется въ иной формѣ, отличной отъ той, какую она имѣла, когда соединена была съ тѣломъ, и обладала внѣшними тѣлесными органами.

Нынѣшняя наша дѣятельность—дѣятельность прерывчатая. Намъ необходима перемѣна сна и бодрствованія, и сонъ служитъ успокоеніемъ для утомленныхъ тѣлесныхъ органовъ, послѣ котораго возстановляется ихъ сила; а душа во время этого успокоенія не прекращаетъ своей дѣятельности, не замираетъ, какъ доказываютъ наши сновидѣнія. Для души, предоставленной самой себѣ и испшедшей изъ тѣла, не нужна будетъ эта перемѣна сна и бодрствованія, и день и ночь она одинаково будетъ сознавать и чувствовать себя, потому что у ней не будетъ материальныхъ органовъ, не могущихъ выдерживать постоянной и неотмѣнной дѣятельности, и нуждающихся въ периодическомъ возстановлѣніи силъ.

Не будетъ душа, въ своей неосознаемой и невидимой памяти организаціи, чуждой всесомой матеріи, стѣснена формами пространства, какъ стѣснены мы нынѣ. Нынѣ, чтобы перенестись тѣломъ изъ одного пространства въ другое, мы нуждаемся въ разныхъ средствахъ передвиженія, и нужна большая или меньшая мѣра времени для перехода нашего изъ одного мѣста на другое. Для души, не отягченной тѣломъ, излишни будутъ всякия чувственныя средства передвиженія. Подобно крылатой мысли, она безпрепятственно будетъ переноситься изъ одного мѣста въ другое, и ей не будутъ препрѣгадить пути, при ея передвиженіяхъ, тѣ препятствія, какихъ мы нынѣ не можемъ одолѣть, напримѣръ, рѣки, горы и стѣны.

Дѣятельность души, по смерти, будетъ продолжаться въ томъ направленіи, какое дано ей предшествующею дѣятельностію, при соединеніи ея съ тѣломъ. Закваска, воспринятая въ земной дѣятельности, при посредствѣ тѣла, внѣдряется въ нее, и она уже не можетъ отрѣшиться отъ нея и получить иное теченіе. Выходитъ духъ изъ тѣла, и въ

немъ (говорить одинъ нашъ проповѣдникъ)¹⁾ все, и доброе и худое, съ неудержимою силою раскрывается: его мысли, чувства, нравственный характеръ, страсти и стремлениія воли, все это развивается въ необъятныхъ размѣрахъ: отъ самъ ихъ ни остановить, ни измѣнить, ни побѣдить не можетъ; безпредѣльность вѣчности увлекаетъ ихъ до безконтроля; его недостатки и слабости обращаются въ положительное зло. Равнымъ образомъ и добро раскроется во всей полнотѣ и силѣ; оно будетъ развиваться со всею свободою, которой здѣсь не имѣло, обнаружить все свое внутреннее достоинство, здѣсь болышею частью скрытое, все свое блаженство, здѣсь подавляемое разнообразными скорбями жизни. И понесется эта душа, всею силою своею природного, нравственно развитаго стремлениія горѣ, въ выстїїи сферы того міра, туда, гдѣ въ безконечномъ свѣтѣ живетъ Источникъ и Первообразъ всячаго добра... И не праздно будетъ душа жить и наслаждаться своимъ добромъ и блаженствомъ: она будетъ дѣйствовать, — дѣйствовать своимъ, уже ничѣмъ не затмимымъ, не заблуждающимся, а просвѣтленнымъ умомъ, въ созерцаніи и постиженіи таинъ Бога, міросозданія, себя самой и вѣчной жизни; будетъ дѣйствовать всею силою уже ничѣмъ не стѣсняемыхъ и неповреждаемыхъ чувствъ сердца, въ развитіи своей новой, высшей жизни; будетъ дѣйствовать всею крѣпостію своихъ духовныхъ, ничѣмъ не удержимыхъ и не развлекаемыхъ въ разныя стороны, стремлений воли, по пути указанному ей судомъ высшей Правды и Любви, къ цѣлямъ, опредѣленныхъ въ предѣчныхъ идеяхъ царства Божія“.

Чаянія и надежды витаютъ въ душахъ, отшедшихъ изъ этого міра, и ими ободряютъ онѣ себя. До явленія Спасителя міра или до воплощенія Сына Божія эти чаянія и надежды сосредоточены были на ожиданіи пришествія обѣтованного

¹⁾ Бесѣды, поученія и рѣчи Іоанна, епископа Смоленскаго. Слово въ день Успенія Божіей Матери, стр. 185—7.

Мессии, и онъ, пребывая въ преисподней, съ мольбами обращались къ Богу объ ускореніи этого происшествія, и когда совершилось дѣло искупленія, отрадой и радостью исполнились сердца ждавшихъ этого искупленія. *Авраамъ отецъ ваши (говорить Господь іudeямъ) радъ бы былъ, дабы видѣлъ день Мой; и видѣлъ и возрадовался* (Іоан. VIII, 56). Видѣль и возрадовался онъ тогда, когда Господь своею крестною смертю искупилъ насть отъ клятвы законныя. Послѣ совершенія дѣла искупленія, чаянія и надежды отшедшихъ душъ обращены къ явленію дня будущаго суда и воздаянія, и если видять они развращеніе и отпаденіе отъ Бога живущихъ на землѣ, они молять праведнаго Судію и Вседержителя, чтобы скорѣе наступалъ этотъ день суда и воздаянія. Тайновидецъ видѣль души избѣнныхъ за слово Божіе, и онъ воспіяли къ Богу гласомъ великимъ: *доколѣ, Владыко святый и истинный, не судили и не мстили крови нашей отъ живущихъ на земли?... И речено бысть имъ, да почлютъ еще время мало, дондеже скончаются и клеврети ихъ и братія ихъ* (Апок. VI, 10—11).

Но если есть у отшедшихъ отсюда въ іной мірь душъ чаянія и надежды, то могутъ волновать тѣ и другія изъ нихъ страхи и трепетная ожиданія. Эти страхи и трепетная ожиданія будутъ у тѣхъ, которые во время земной жизни заражены были нечестіемъ, поцирали вѣру и отвергали Христа Господа. Имъ откроется, что всѣмъ намъ явиться подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, о чёмъ онъ не думали во время земной жизни, или во что не хотѣли вѣрять, и ихъ будетъ страшить та ответственность предъ этимъ судомъ, какой не избѣжать имъ, и послѣдующая за судомъ грозная и тяжелая участъ, ихъ ожидающая, и тяжекъ будетъ для нихъ тотъ ужасъ, какой будетъ наполнять ихъ.

Способны переселившися въ іной мірь души и къ воспріятію вышихъ откровеній, при посредствѣ которыхъ бо-

лѣ и болѣе будуть освѣщаться предъ ними тайны божественнаго міроправленія. Что мы нынѣ видимъ яко зерцаломъ въ гаданіи, то онѣ увидятъ прямо лицомъ къ лицу (1 Кор. XIII, 12). Откровенія, освѣщающія предъ ними пути Божіи, онѣ получаютъ изъ высшаго духовнаго міра, въ непосредственное общеніе съ которымъ онѣ входять, по оставленіи тѣла. Апостолъ Петръ свидѣтельствуетъ, что и мертвымъ было благовѣщованіе для того, чтобы они, подвергшись суду по человѣку плотю, ожили по Богу духомъ (1 Петр. IV, 6). Наша церковь вѣруетъ, что св. Іоаннъ Предтеча, во время своей жизни проповѣдывавшій о приближеніи царствія Божія и указывавшій своимъ современникамъ Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, не прекратилъ своей проповѣди и по смерти, но переселившись къ прежде почившимъ отцамъ, *благовѣстилъ* (какъ говорится въ церковной пѣсни) ¹⁾ и *сущимъ во адѣ Бога, являлся плотю, вземлющаго грѣхи міра и подающаю намъ велию милость*. По словамъ апостола Петра, и самъ Господь Иисусъ Христосъ, умерщвленный плотию, но живый духомъ, ниспѣдъ во адъ, *проповѣдалъ сущимъ въ темницѣ духовомъ, и между душами, слышавшими во адѣ проповѣдь Спасителя, апостолъ указываетъ души тѣхъ, которые во дни Ноя, не внимая угрожающимъ казнью Божію словамъ праведника, оказались непокорными ожидавшему ихъ Божію долготерпѣнію* (1 Петр. III, 18—20). Принятіе этими душами проповѣди Спасителя внесло отраду въ ихъ томящіяся сердца, и Господь, нисходившій во адъ для избавленія пѣненныхъ, извѣтъ изъ глубины ада тѣ души, которые оказались приготовленными и расположенныміи къ принятію Его благовѣстія.

Святый Іоаннъ Богословъ, въ откровеніи своемъ приподнимаетъ для насть часть завѣсы, скрывающей отъ насть образъ жизни и дѣятельности отшедшихъ душъ. По его сло-

¹⁾ Тропарь св. Іоанну Предтечѣ.

вамъ, праведныя души, вышедшиа изъ нашего скорбнаго міра, своими помышленіями и желаніями устремлены къ Богу, Источнику всякаго блаженства, и вмѣстѣ съ ангелами служать Ему день и ночь, вознеся Ему хвалу и благодареніе. Взлнуль я (говорить онъ), и вотъ великое множество людей, которою никто не могъ перечестъ, изъ всіхъ племенъ, и колынъ, и народовъ и языковъ стояло предъ престоломъ и предъ Анцемъ... и воскликали громкимъ голосомъ, говоря: спасеніе Богу нашему, сидящему на престолѣ, и Анцу! И всѣ ангелы стояли вокругъ престола... и пали предъ престоломъ на лица свои и поклонились Богу, говоря: аминь; благословеніе и слава, и премудрость, и хвала, и честь, и сила, и крѣпость Богу нашему во вѣки вѣковъ. Аминь (Апок. VII, 9—15). И Господь, предъ престоломъ котораго стоять и служать они, по словамъ Тайнovidца, вселится въ нихъ (Апок. VII, 15). Они будуть воспринимать часть блаженства, текущаго отъ Источника всякой радости, и ихъ будетъ укрѣплять сила, отъ Него исходящая. Анцецъ, иже посредъ престола, упасеть я и наставитъ ихъ на животныя источники водъ, и отъиметъ Богъ всякую слезу отъ очио ихъ. (Апок. VII, 17).

Разлученные съ нами смертю, души не прерываютъ общенія съ оставшимися въ живыхъ, хотя мы не можемъ видѣть ихъ непосредственного отношенія къ намъ. Онѣ помнятъ насъ, думаютъ и заботятся о насъ и желають намъ блага. Онѣ скорбятъ о насъ, когда видятъ нашу безнечность, нашу дурную жизнь и наше неисправлениe, и хотѣли бы обратить неисправныхъ съ пути погибели на путь спасенія, какъ показываетъ это свидѣтельство Господа Іисуса Христа въ евангельской притчѣ о богатомъ и Лазарѣ. Богачъ, находящійся въ адѣ въ мукахъ за свою грѣховную жизнь на землѣ, мучится еще скорбю о своихъ братьяхъ, которые живутъ такъ же беззаконно, какъ жилъ и онъ, и которымъ го-

товорится грозная участь, подобная постигшей его, и онъ желалъ бы помочь имъ, вразумить ихъ, и въ глубокой печали о томъ, что самъ не можетъ этого сдѣлать, просить Авраама послать къ нимъ изъ страны умершихъ Лазаря для вразумленія ихъ. На противъ, когда онъ видитъ, что мы живемъ побожны, заботимся о своемъ душевномъ спасеніи и спѣшимъ исправлять тѣ недостатки, какіе есть въ нась, и очищать чистосердечнымъ покаяніемъ тѣ погрѣшности, въ какія впадаемъ,—это доставляетъ имъ отраду и утѣшеніе. По слову Господа, *радость бываетъ на небеси о единомъ грешнику кающемся* (Лук. XV, 7), и эту радость первѣе всего раздѣляютъ тѣ души, которыя во время земной жизни связаны были съ нами тѣсными узами. Апостолъ Петръ, зная, по указанію Божію, что скоро наступитъ его смерть или, какъ онъ говоритъ, отложеніе его тѣла, съ полною увѣренностью обѣщаетъ вѣрующимъ: *потицуся и всегда имѣти васъ по моемъ исходѣ память о сихъ творити* (2 Петр. 1, 15). Подобное тицаніе о близкихъ могли съ вѣрою обѣщать, при отходѣ изъ этой жизни, и другіе мужи и жены, исполненные любви, николиже отпадающей и переживающей самую смерть.

Не имѣя возможности пользоваться видимыми орудіями, какими мы пользуемся при взаимныхъ услугахъ другъ другу, близкіе намъ умершіе, любящіе насть, свое тицаніе о насть заявляютъ духовными средствами, имъ доступными,—молитвами, какія не перестаютъ они возносить за насть предъ престоломъ величія Божія, испрашиваемою ими благодатною помощію въ затруднительныхъ обстоятельствахъ нашей жизни, въ великой скорби и страданіи, въ тяжкой болѣзни и въ разныхъ искушеніяхъ; а иногда прямыми внушеніями намъ, приходящими изъ невидимаго намъ міра. Припомните: не случалось ли вамъ, что память матери, или отца, или любимаго вами друга удерживала васъ отъ безчестнаго поступка, или предохраняла васъ отъ опасности, вамъ угрожавшей? Вотъ вы встутили

на опасный путь, на которомъ вамъ угрожаетъ гибель, или дурное сообщество влечеть васъ на путь беззаконія, или ваша воля изнемогаетъ въ борьбѣ съ искушениемъ. Но вдругъ, когда близъ васъ погибель, представляется вамъ образъ матери, отца или любящаго васъ друга,—вы измѣняете свое намѣреніе, укрѣпляетесь волею и выдерживаете искушение, боитесь и бѣжите отъ того грѣховнаго дѣйствія, къ которому васъ склонили, сворачиваете съ того пути, на которомъ вамъ угрожало несчастіе или гибель. Эту память о близкихъ сердцу усопшихъ людяхъ, спасающую и укрѣпляющую васъ въ опасныя минуты, не возбуждаютъ ли въ васъ души этихъ усопшихъ, носящія надъ вами, и желающія предохранить васъ отъ путей погибельныхъ? Мы вѣримъ, что онѣ, по благоволенію Божію, изъ любви къ намъ часто являются незримыми для насъ нашими руководителями и спасителями. Будьте внимательны ко всему, что случается съ вами,—и вы найдете подтвержденіе того въ обстоятельствахъ своей жизни.

Но не все умершіе въ одинаковой степени обладаютъ силою сознанія и чуткостію, и не все одинаково могутъ воздѣйствовать на насть и оказывать намъ помощь. Здѣсь, въ настоящей земной жизни, есть разныя степени таланта и силы душевной, разныя степени силы будутъ и у душъ усопшихъ. Какъ звѣзды отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ, въ яркости силы свѣта, ею испускаемаго, такъ, по слову Писанія, будутъ различаться и силы душъ, по отишествію изъ этого міра. У однѣхъ будетъ слаба степень жизненности,—будетъ блѣдное мерцаніе. Другія будутъ свѣтить, какъ яркія свѣтила, будутъ обладать такою силою, какой не имѣли во время земной жизни. Таковы будутъ люди, которые святою жизнью здѣсь на землѣ достигли высокаго нравственнаго совершенства, доставляли своему духу побѣду надъ плотію и страстями, и одухотворенные, еще пребывая въ тѣлѣ, привлекали къ себѣ благодатную силу, сообщавшую имъ особые дары,

даже дары чудотвореній. Эта благодатная сила, обнаружившаяся у нихъ, когда они еще были на землѣ, не отнимется отъ нихъ, по оставлениі ими бренной тѣлесной храмины. Напротивъ, тогда она въ большомъ обиліи излѣется на нихъ, и, просвѣщаючи и укрѣпляя ихъ, дасть имъ возможность знать наши нужды и помогать намъ. Таковы святые Божіи, составляющіе торжествующую церковь небесную и чтимые за свою святость и благодатную силу, имъ дарованную, церковю земною. Не стѣсненные пространствомъ, и не знающіе преградъ материальныхъ, они будутъ слышать наши вздоханія и мольбы, будутъ знать наши нужды и желанія, и по нашему призыву они будутъ являться нашими помощниками во всѣхъ нашихъ обстоятельствахъ. Не видимъ ли мы проявленія этого вспомоществованія памъ и ходатайства за насть въ исторіи безчисленного множества святыхъ, стоящихъ у престола Божія? Мы, живые, призовемъ ихъ имя, обратимся къ нимъ съ мольбою объ утѣшениі или помощи, и они видѣть и слышать наше обращеніе къ нимъ, и свыше ниспосылаютъ или испрашиваются намъ помощь и утѣшеніе. Инымъ изъ нихъ дарованы особья частныя благодатныя силы. Одни изъ нихъ избавляютъ насть отъ напрасной смерти; другіе облегчаютъ страданія болѣющихъ тѣмъ или другимъ недугомъ и подаютъ исцѣленія, третіи покровительствуютъ плавающимъ по водамъ, четвертые облегчаютъ труды дощиманія и усвоенія преподаваемыхъ знаній, когда испрашиваются ихъ помощи при начаї ученія или при слабыхъ способностяхъ учащагося, и т. д. и т. д. И кто изъ насть не испыталъ благодатной помощи отъ нихъ послѣ усердной молитвы къ нимъ? Прибѣгайте къ нимъ съ вѣрою и любовью, и не тщетны будутъ наши прошенія, къ нимъ обращаемыя.

Въ исторіи записаны безчисленные примѣры ходатайства святыхъ небожителей за живущихъ въ земной юдоли, и помощи, ими оказываемой тѣмъ, съ кѣмъ связаны они узами

любви. У пророка Еремія Моисей и Самуилъ представляются ходатаями предъ Богомъ за народъ свой, вождями которого они были во время земной жизни, и Господь, разгневанный на нечестіе Израїля, разъ говорицъ чрезъ пророка: если и эти вожди народа предстанутъ предъ лице Мое съ ходатайствомъ за народъ, отступившій отъ Бога, не преклонится къ нему душа Моя (Ер. XV, 1). Въ книгѣ Макавейской записано слѣдующее видѣніе Іуды Макавея: іudeи находились въ крайней опасности отъ язычниковъ, которые, подъ предводительствомъ Никанора, готовы были раздавить и поработить ихъ. Въ это тяжелое время, когда всѣ іudeи были въ большомъ страхѣ, Макавей въ сновидѣніи видитъ Онію, бывшаго первосвященника, мужа честнаго и доброго, почтенаго видомъ, изъ дѣтства ревностно усвоившаго все, что касалось добродѣтели,—видитъ, что онъ, простирая руки, молится за весь народъ іудейскій. Потомъ явился другой мужъ, украшенный сѣдинами и славою, окруженній дивнымъ и необычайнымъ величиемъ. И сказалъ Онія: это, братолюбецъ, который много молится о народѣ и святомъ городѣ,—Еремія пророкъ (2 Макк. XV, 11—14),—и послѣдовало заступленіе отъ Господа.

А сколько новозавѣтныхъ праведниковъ, хозяйствующихъ за насть предъ Богомъ, которые послѣ совершенія дѣла искупленія грѣшнаго рода человѣческаго, получили больше дерзновенія предъ Богомъ? Во главѣ ихъ Пресвятая Богоматерь, объемлющая своею любовію всѣхъ, страждущихъ на землѣ, и милосердствующая о насть; ея чудесными благотвореніями роду человѣческому переполненъ весь міръ христианскій.

Писанія святыхъ отцовъ сколько утѣшеній доставляютъ, сообщая о разительныхъ случаяхъ покровительства намъ, оказываемаго стоящими у престола Божія, заслужившимъ Его благовolenіе, отцами и братіями вашими! „Какой помощи (говорицъ

св. Иоаннъ Дамаскинъ) не доставляло намъ умилостивительное ходатайство апостоловъ и мучениковъ? Сколько разъ они помогали въ войнахъ съ варварами, и прогоняли ихъ вспять, или истребляли! Сколько слушаевъ, угрожавшихъ намъ смертю, они предотвращали своимъ призываиемъ! Отъ сколькихъ донънѣ мы избавляемся опасностей ихъ молитвами!“.

Желая сдѣлать для насть болѣе понятнымъ изліяніе небесной благодати, сообщаемой намъ изъ высшаго загробнаго міра чрезъ посредство благоугодившихъ Богу прежде почившихъ отцовъ и братій нашихъ, святые отцы прежде всего указываютъ на союзъ любви, связующій ихъ съ нами. Мы, живя на землѣ, не разобщены съ членами церкви небесной, а, по Апостолу, являемся сожителями святыхъ. Церковь земная и небесная составляетъ единое тѣло, котораго глава Христосъ, а святые и мученики члены и части его, члены того же тѣла, въ составѣ котораго и мы находимся. Будуши соединены съ нами въ единству таинственнаго тѣла Христова, они обнимаютъ насть своею любовию, побуждающею ихъ оказывать возможное попеченіе о насть. Какъ въ тѣлѣ нашемъ *аще страждастъ единъ удъ, съ нимъ страждуть вси уди: аще ли же славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди* (1 Кор. XII, 26). Страданіе насть, земножителей, вызываетъ участіе къ намъ со стороны небожителей, особенно если мы обращаемся къ нимъ съ мольбами. И при жизни своей они отличались любовию къ своимъ братіямъ; а переселившись въ другой міръ, и вознесшись духомъ къ престолу благодати, они пламенѣютъ еще большою любовию къ намъ.

Во дни отцовъ—нашихъ руководителей,—выражали иные недоумѣніе, какъ святые, уже умершіе и оставившіе живыхъ, могутъ помогать имъ и молиться за нихъ, и какъ они могутъ знать нужды наши. Въ отвѣтъ на это святые отцы изъясняли, что почившіе отцы не мертвы, но живы, и даже

болѣе живы, чѣмъ мы. Богъ, предъ которымъ предстоять ови, нынѣ *Богъ мертвыхъ, по живыхъ* (Марк. XII, 27). Говорили, что они, пребывая въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, напримѣрь въ лонѣ Авраамовомъ, не могутъ обнаруживать своего присутствія при своихъ гробницахъ, или гдѣ захотятъ. Въ отвѣтъ такому совопроснику блаженный Геронимъ говорилъ: „ты будешь полагать законы Богу; ты будешь налагать узы на апостоловъ, чтобы до дня суда находились въ заключеніи и не были съ своимъ Господомъ тѣ, о которыхъ написано: *послѣдуютъ Анти, аможе аще пойдетъ* (Апок. XIV, 4)? Если Агнецъ вездѣ, то нужно думать, что и они, пребывающіе съ Агнцемъ, также вездѣ. И если діаволь и демоны блуждаютъ по всему миру и съ чрезвычайною быстротою вездѣ появляются, неужели мученики, по пролитію крови, могутъ быть заключены подъ крышкою гроба и не могутъ выйти оттуда“¹⁾? Совлекшись тѣлами тѣла, отягощавшаго душу, они лучшіе и быстрѣе нашего постигаютъ предметы, подлежащіе ихъ вѣданію, и яснѣе узнаютъ причины всего, происходящаго на землѣ. Разстояніе не помышляетъ имъ услышать вопль нашъ, и отзваться на него благодатнымъ дѣйствіемъ. А что имъ дарованы великія благодатныя силы къ оказанію благотвореній людямъ, обращающимся къ нимъ съ мольбами, и что пріемлются Богомъ ихъ ходатайства за насть, это доказываютъ святые отцы самыми разнообразными и неисчисленными чудотвореніями, несомнѣнно совершившимися и понынѣ продолжающими совершаться, по молитвамъ къ нимъ вѣрующихъ, хотя и нельзя понять того (говорить одинъ изъ нихъ)²⁾ сами ли они, по изволенію Божію, присутствуютъ тамъ, гдѣ обращаются къ нимъ съ молитвами, или же, по представительству ихъ, въ семъ случаѣ присутствуетъ и дѣйствуетъ вездѣ-

¹⁾ Книга противъ Вигилианція Бабі. западныхъ отцовъ церкви. Т. IV, стр. 299.

²⁾ Блаж. Августин о градѣ Божіомъ, кни. XXII, гл. 8.

сущій Богъ. Потому святые отцы съ полною вѣрою въ силу молитвъ праведниковъ оказывать намъ благодѣнія, обращаясь къ нимъ съ молитвами, подобными той, какую мы читаемъ въ похвальномъ словѣ св. Григорія илліїскаго великомученику Феодору Стратилату: „Ходатайствуй за отечество у общаго Царя и Господа. Намъ угрожаютъ величайшія опасности... Воинъ, сражайся за насть; мученикъ, представительствуй съ дерзновенiemъ за твоихъ соотечественниковъ. Хотя ты въ другомъ мірѣ, но всегда знаешь о напастяхъ и нуждахъ человѣческихъ. Исироши намъ миръ, чтобы не прекращались наши святые собраія... Молимъ тебя, услыши насть и не лишай впередъ твоего покровительства. Если нужно ходатайство еще болѣе сильное,—собери лики мучениковъ, твоихъ братій, и помолись со всѣми вмѣстѣ. Молитвы многихъ праведниковъ покроютъ грѣхи народовъ“.

Отъ мѣстъ отдаленныхъ перейдемъ мыслю къ странѣ, нами обитаемой, и отъ временъ давнихъ къ временамъ, близкимъ къ намъ. Въ нашей русской церкви между отшедшими отъ насть отцами и братіями нашими много сильныхъ ходатаевъ и молитвенниковъ за насть, подающихъ или ниспосылающихъ намъ дары благодати Божіей и простирающихъ надъ нами покровъ свой. Почти каждый городъ имѣеть такого покровителя, который, пребывая между святыми небожителями, и удостоившись къ престолу Божію, не забываетъ родныхъ по плоти, и всегда готовъ послать или испросить имъ у Бога защиту и вснможеніе. А въ иныя святые мѣста, каковы нашъ богоспасаемый Кіевъ, Москва и Свято-Троицкая Сергиева Лавра, гдѣ почіють особо прославленные праведники, удостоенные чрезвычайной силы чудотвореній, стекается народъ со всѣхъ концовъ Россіи, въ надеждѣ получить отъ нихъ потребное душѣ своей. И побывавъ у святаго, облобызавъ его драгоценные останки, съ вѣрою помолившись ему, многие изъ народа получаютъ отъ него,—кто вразумленіе,

кто утешеніе, кто облегченіе скорби, кто исціленіе или облегченіе болезни. Не перечисляя многихъ знаменій живаго благотворнаго воздѣйствія на насть святыхъ небожителей, родственныхъ намъ по плоти, мы не можемъ не остановиться своимъ вниманіемъ на поразительныхъ явленіяхъ, которыми Господу угодно было порадовать насть въ послѣдніе дни и во очію всѣхъ показать, что святые праведники помочь насть, молятся за насть, простираютъ къ намъ свою благодѣюшую руку и испралливаютъ намъ у Бога тѣ блага, въ какихъ мы нуждаемся. Вотъ новоявленный богоносный отецъ нашъ Серафимъ, семидесять лѣтъ назадъ переселившійся изъ земли живыхъ, но донынъ живущій съ нами и помогающій намъ болѣе, чѣмъ сколько могутъ помочь сильные земли. По всей Россіи ходятъ дивныя сказанія о благотвореніяхъ и чудесахъ, какія изъ загробнаго міра расточаетъ прибѣгающимъ къ нему его исполненная любви и облагодатствованная душа. Когда онъ еще несъ подвигъ жизни, устремленный всею душою къ горнему отечеству и пламенѣвшій любовью къ страдальцамъ земнымъ, онъ вѣрилъ и зналъ, что съ нимъ не умретъ его любовь къ своимъ приснымъ и твердо надѣялся и по смерти прибѣгать съ своею помощію къ тѣмъ, кого любилъ онъ, и кто будетъ съ мольбами призывать его имя. „Какъ меня не станетъ (говорилъ онъ дивѣевскимъ сиротамъ,—такъ онъ называлъ инокинь дивѣевскаго монастыря), вы ко мнѣ на гробикъ приходите!.. Все, что есть у васъ на душѣ, что бы ни случилось съ вами, о чёмъ бы ни скорбѣли, придите ко мнѣ, да все свое горе съ собой же и приносите на мой гробикъ. Припавъ къ землѣ, какъ живому, все и расскажите, и услышу я васъ; вся скорбь ваша отлѣтитъ и пройдетъ! Какъ съ живымъ вы говорили, такъ и тутъ. Для васъ я живой есмь, буду и во вѣки“¹⁾). И живъ, живъ

¹⁾ Душеполезное чтеніе, июль 1903 г. стр 351. Препод. Серафимъ Саровский чудотворецъ. Левитскаго.

для насть этотъ богодарованный нашъ печальникъ, теплый молитвенникъ и ходатай къ Богу за присныхъ своихъ, за всѣхъ страждущихъ и илачущихъ и за весь вѣрующій народъ, ему родственныи. Сколько слезъ осушилъ онъ въ недавніе дни своего прославленія! Сколько даровалъ исцѣленій болѣющимъ! Сколько издилъ милостей на тѣхъ, которые искали его покровительства! Чрезъ него открылось такое обилие милости Божіей, дарованной вѣрующимъ въ него и принадавшимъ къ нему, какое напоминаетъ первыя времена насажденія христіанства, означенованныя чрезвычайными дарами Духа,— шолагаемъ, для возбужденія вѣры въ нашемъ невѣрующемъ и маловѣрующемъ обществѣ. И не въ эти только дни, но и раньше своего прославленія и, паче, и постѣ сего онъ нашъ всегдашній помощникъ и заступникъ. Онъ прежде своею заботливою любовью окружалъ тѣхъ, кто къ нему обращался, и впредь будетъ проявлять эту любовь, живый во вѣки. Воззоветь кто къ нему, съ благоговѣйною вѣрою назоветъ его имя, и онъ, незримый нами, является къ зовущему его со своею помощью. „70 лѣтъ назадъ (говорить одинъ почитатель его) склоненный въ могилѣ у Успенскаго собора Саровской пустыни (изъ которой недавно изнесены для поклоненія его останки), онъ душею своею ходить по всему пространству русской земли, неся всюду дары любви своей. Онъ входитъ въ крестьянскія избы, и въ городскіе дома, и въ бѣдныя лачуги и во дворцы царскіе, неся повсюду съ собой благословеніе, утѣшеніе, разрѣшеніе горя и бѣдствія... То видятъ его во сне, какъ онъ молится у изголовья больныхъ, то, стоя у ихъ постели на колѣняхъ, кормить ихъ заботливо какимъ-то врачевствомъ. Вотъ онъ въ бѣломъ балахонѣ, съ мѣднымъ крестомъ на груди, является ночью къ барынѣ, задыхающейся отъ парыва въ горлѣ, благословляя съ произноженіемъ короткихъ словъ: *простая и добросердечная*, исцѣляетъ ее. Вотъ воры хотятъ поломать лавку одного почитателя отца Серафима, но, взломавъ запоры, бѣгутъ; по-

тому что старець, принять вилъ караульщика, начинаеть мести около лавки, и тогда же ночью говорить объ этомъ во снѣ матери хозяина¹⁾.

Видимыя знаменія благодѣющей любви къ намъ со стороны прославленныхъ святыхъ для всѣхъ должны служить разительнымъ свидѣтельствомъ того, что отошедше отъ насть отцы и братія въ загробный міръ, не мертвы, но живутъ тамъ особою жизнію, знаютъ наши нужды и исполнены желаній всякаго блага живущимъ на землѣ. Не всѣмъ дарована благодатная сила чудотвореній, не всѣ имѣютъ великое дерзновеніе испрашивать намъ милости у Бога. Но всѣ съ заботливымъ участіемъ слѣдятъ за нами, даже подвергающіеся осужденію за свою грѣховную жизнь, какъ показываетъ примѣръ евангельскаго богача, желающаго изъ ада подать помощь и вразумленіе своимъ братьямъ.

Если отошедше отъ насть отцы и братія и въ загробномъ мірѣ исполнены желаніемъ намъ блага, и спикавшіе дерзновеніе у Господа испрашиваютъ у него и ниспосылаютъ намъ благодатную помощь, то и отъ насть они желають и чаютъ, чтобы мы не прерывали своего общенія съ ними, по разлученіи ихъ съ нами, и проявляли свою любовь къ нимъ. Эту любовь, по отношенію къ прославленнымъ святымъ, мы заявляемъ честованиемъ ихъ и теплыми молитвами, къ нимъ обращаемыми. Но въ безчисленномъ сонмѣ усопшихъ,—святыхъ, удостоенныхъ прославленія отъ Господа сравнительно малое число. Чѣмъ же мы можемъ заявить свою любовь къ умершимъ отцамъ и братіямъ своимъ, хотя скончавшимся въ надеждѣ воскресенія, но не ознаменовавшимъ своего жизненного пути особыми подвигами добродѣтели? Мы ставимъ надъ ихъ могилами, по своимъ средствамъ, болѣе или менѣе роскошные памятники, возлагаемъ

¹⁾ Душеполезное чтеніе, 1903 г. май На земномъ небѣ. Поселеніна.

на гробы ихъ вѣнки, и цветами украшаемъ мѣста, гдѣ почкоится прахъ ихъ. Изъ добрыхъ, похвальныхъ побужденій возникаетъ такое чествованіе почившихъ. Но такимъ чествованіемъ мы удовлетворяемъ своему личному чувству, а входимъ ли мы чрезъ него въ живое общеніе съ тѣми, кому ставимъ памятники, и кого украшаемъ вѣнками? Получаютъ ли они отъ него отраду и утѣшеніе? Нашъ міръ материальный они оставили, и для ихъ души, вышедшей изъ тѣла, совершенно неощутительны наши мірскія виѣянія выраженія любви и почтенія къ нимъ. Душѣ нужны и доступны только духовныя утѣшенія. Эти утѣшенія мы можемъ доставлять имъ, вознося за нихъ молитвы къ Богу; молитвами за нихъ мы только поддерживаемъ общеніе съ ними, при невозможности тѣлеснаго соприкосновенія съ ними. И если чего желаютъ они отъ насъ, то первѣ и болѣе всего того, чтобы мы не забывали просить милости для нихъ у праведнаго и всесchedраго Судіи и Милодовоздаятеля. Въ сказаніяхъ о святыхъ дано намъ не мало указаний на то, что наши молитвы за усопшихъ доставляютъ имъ много отрады и утѣшенія, и привлекаютъ на нихъ милостивое око Отца небеснаго. Такъ въ житіи св. Макарія египетскаго, мы встрѣчаемъ такой разсказъ. Разъ, проходя по пустынѣ онъ увидѣлъ человѣческий черепъ и спросилъ его о загробномъ состояніи умершихъ. „Неужели вы никогда не чувствуете никакого утѣшенія?“ спросилъ Макарій. Сухой черепъ, по изволенію Божію, отвѣчалъ преподобному молитвеннику. „Нѣть, когда ты молишься за мертвыхъ, то мы чувствуемъ нѣкое утѣшеніе“. Черепъ принадлежалъ языческому жрецу. Если и языческій жрецъ чувствовалъ отрадное дѣйствіе молитвы, возносимой за умершихъ, то не тѣмъ ли болѣе сладость молитвъ нашихъ будетъ чувствительна для умершихъ въ вѣрѣ въ Искупителя и надеждѣ на будущую жизнь?—У св. Григорія Двоеслова разсказывается такой случай. Въ моемъ монастырѣ (говорить святой отецъ) было правило, чтобы никого изъ братій не имѣлъ

никакой собственности. Въ монастырѣ все было общее. Одинъ изъ братій, именемъ Густъ, захворалъ и, приближаясь къ смерти, объявилъ родному брату, при немъ находившемуся, что у него есть три золотыя монеты. Когда это извѣстіе дошло до меня, я, чтобы предохранить другихъ отъ нарушенія правилъ въ монастырѣ, отдать такое распоряженіе: не допускать къ больному никого изъ братій, какъ къ отлученному, и когда умретъ, то зарыть его въ особомъ мѣстѣ и вмѣстѣ съ нимъ бросить и три золотыя монеты. Когда онъ померъ, его похоронили такъ, какъ я велѣлъ. Прошло тридцать дней отъ смерти Густа, мнѣ стало жаль его, и я далъ приказаніе въ слѣдующіе тридцать дней ежедневно совершать заупокойную литургію по умершему брату. Прошло тридцать дней, какъ ночью является Густъ своему родному брату. Изумленный братъ спрашиваетъ явившагося: „что братъ, каково тебѣ?“ Язвившійся отвѣчалъ: „доселе мнѣ было худо, но теперь хорошо: ибо я вступилъ нынѣ въ общеніе“. Такія свидѣтельства святыхъ мужей должны служить для насть удостовѣреніемъ въ благотворности молитвъ за усопшихъ. Съ нашей стороны молитвы за усопшихъ—лучшая дань любви къ нимъ и самое дѣйствительное средство къ поддержанію духовнаго общенія съ ними. И если вы скорбите объ оставившихъ вѣсть и перешедшихъ въ другой міръ любезныхъ вашему сердцу и жалѣете ихъ,—молитесь за нихъ, призываите церковь и ея служителей возносить за нихъ безкровную жертву Богу. Этимъ вы доставляете имъ усаду и утѣшеніе и болѣе содѣйствуете облегченію ихъ состоянія, чѣмъ сколько облегчали ихъ положеніе своимъ уходомъ за пими во время ихъ болѣзни. Ждутъ отъ насть такой помощи наши, любезные намъ, отцы и братія, и мы можемъ думать, что они, съ своей стороны, воздаютъ намъ за наше молитвенное участіе къ нимъ своими молитвами къ Богу о дарованіи намъ всяческихъ благъ.

Гдѣ пребываютъ по смерти души отшедшихъ отъ насть отцовъ и братій нашихъ? Въ священномъ Писаніи мѣсто пребываніе душъ усопшихъ называется то раемъ (Лук. XXIII, 43), то царствіемъ небеснымъ или царствіемъ Божімъ (Мате. V, 3—10, VIII, 11. Лук. XIII, 28—29. 1 Кор. XV, 50), называется еще и домомъ Отца небеснаго (Іоан. XIV, 2). Названія мѣста обитанія душъ отшедшихъ отцовъ напихъ не даютъ опредѣленнаго указанія касательно его. Они только отвлекаютъ нашу мысль отъ чувственныхъ представлений этого мѣста, заимствованныхъ отъ явленій земнаго пространственнаго обитанія. Мы допустили бы произвольныя догадки, если бы хотѣли географически описать мѣсто жилища усопшихъ, и искать его въ воздушныхъ или планетныхъ пространствахъ. Царство небесное, куда переселяются усопшіе, потому и называется небеснымъ, что нѣть видимаго вмѣстлища его на землѣ; то совершенно другой міръ, отличный отъ нашего. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что намъ гораздо полезнѣе и необходимѣе знать, что есть рай, нежели знать, гдѣ это мѣсто находится. „Ты спрашивашъ, въ какомъ мѣстѣ будетъ рай? Полагаю, что виѣ сего міра. Станиемъ искать не того, гдѣ онъ находится, а средствъ пріобрѣсть его“.

Впрочемъ, святой отецъ не воспрещаетъ полезныхъ размышленій и изысканій о раѣ, которыя могли бы приводить насъ къ страху Божію и уклонять отъ зла, и мы не погрѣшимъ, если, руководствуясь Писаніемъ, укажемъ нѣсколько чертъ, служащихъ къ уясненію нашей мысли объ обиталищѣ праведныхъ душъ. Это обиталище апостолъ называетъ градомъ живаго Бога, небеснымъ Іерусалимомъ: тамъ тьмы ангеловъ, тамъ духи первородныхъ, достившихъ нравственного совершенства, тамъ Ходатай новаго завѣта Господь Іисусъ Христость и Судія всѣхъ Богъ (Евр. XII, 22—23). И вотъ въ общиеніе съ ангелами, въ общиеніе со святыми, благоугодившими Богу, вступаетъ душа, очищенная покаяніемъ, и имъ

свѣтить, и ихъ услаждаеть вѣющая на нихъ благодать Господа, взирающаго на нихъ окомъ своего благоволенія. Представляя это, апостолъ желалъ отъти отъ тѣла, чтобы водвориться у Господа (2 Кор. V, 8 Фил. 1, 23).

Въ дому Отца моего (говорить Господь) обитали многи суть (Иоан. XIV, 2). Намъ не дано знать, гдѣ и какія это обители. Но мы должны думать, что всѣ эти обители, уготованныя для душъ, спасенныхъ и искущенныхъ смертію Сына Божія, озаряются свѣтомъ, идущимъ отъ Бога, Источника свѣта, жизни и блаженства, и въ каждой изъ нихъ чувствуется присутствіе Господа Спасителя, дающаго жизнь и радость обитающимъ въ нихъ. Господь обѣтовахъ вѣрюющимъ въ Него взять ихъ къ себѣ, да идѣже есмъ Азъ, и вы будете (Иоан. XIV, 2—3), и въ своей первосвященнической молитвѣ Онъ просиялъ Отца небеснаго, да идѣже есмъ Азъ, и ти будутъ со Мною, да видяты славу Мую (Иоан XVII, 24). Будетъ въ обителяхъ святыхъ не одинаковое обише свѣта и духовной радости, соответственно нравственному достоинству лицъ, удостоившихся благоволенія Божія. Св. Ефремъ Сирий говорить: Господь наименовалъ многія обители не по разности мѣста, но по степени дарованія¹⁾). А св. Григорій Богословъ утверждаетъ, что къ той или иной изъ сихъ обителей, раздѣляемыхъ и назначаемыхъ каждому по его достоинству, приводить тотъ или иной родъ христіанскихъ добродѣтелей²⁾). Есть обители апостоловъ, потрудившихся надъ приведенiemъ ко Христу невѣduщихъ Его, есть обители мучениковъ, исповѣдниковъ, дѣвственниковъ, дѣвственницъ, подвижниковъ и подвижницъ, милостивыхъ, кроткихъ и смиренныхъ и т. д.

Но души нечестивыхъ не могутъ проникнуть въ градъ Бога живаго, и найти тамъ обиталище себѣ, не могутъ онѣ и прини-

¹⁾ О блаж. обителяхъ. Твор. Ефр. Сирина, т. III, стр. 296.

²⁾ Св. Григорій Бог., слово о любви къ бѣднымъ. Твор. св. отцовъ, т. II, стр. 5.

мать участія въ согласномъ хорѣ хвалы Всевышнему, возносимой сонмомъ праведниковъ. Онѣ желали бы приблизиться къ престолу Божію, но, омраченныя грѣхомъ, онѣ не могутъ выносить того свѣта, который здѣсь сіяеть, и опаляемыя его силою, онѣ поневолѣ должны быть вдали, отъ него. Между обитаніемъ ихъ и обитаніемъ святыхъ, по слову Господа, *пропасть велика утвердила*, такъ что хотяще перейти изъ одного обиталища въ другое не могутъ этого сдѣлать (Лук. XVI, 26). Онѣ, впрочемъ, издалеча видять святых обители святыхъ, какъ видѣлъ лоно Авраамово евангельской боярь, и слышатъ ихъ радостныя ликованія, но это видѣніе ликованій святыхъ увеличиваетъ то томленіе, въ кото-ромъ онѣ пребываютъ въ ожиданіи суда надъ собою.

Мѣсто, гдѣ обитаютъ души нечестивыхъ, называется въ Писаніи адомъ (Лук. XVI, 23), и гееннюю огненною (Мо. V, 22, 29), тѣмою кромѣшною, преисподнею (Мо. VIII, 12. XXII, 13. XXIX, 30). Названія эти указываютъ не столько на опредѣленное мѣсто, сколько на тѣ тягости и мученія, какія должны выносить низверженные въ эти мрачныя обиталища. И было бы напрасною попыткою искать опредѣленного мѣстонахожде-нія ада или жилища нечестивыхъ духовъ. По мнѣнію св. Іоанна Златоуста, оно будетъ гдѣ-нибудь виѣ этого міра; какъ царскія темницы и рудокопни бываются вдали, такъ и геена будеть гдѣ-нибудь виѣ этой вселенной¹⁾). Одно дается намъ указаніе въ этомъ случаѣ: какъ рай отождествляется съ царствомъ небеснымъ, и при представлениі рая наша мысль возносится къ небу, къ тѣмъ высотамъ, близъ которыхъ престолъ Божій, такъ при словѣ адъ намъ представляется преисподня, и дно адово помѣщается во внутреннихъ глубинахъ земли. Въ рай душа возносится, а въ адъ она низвергается.

У одного святаго отца.—Ипполита, епископа римскаго III вѣка, мы встрѣчаемъ описание ада и вообще мѣста пре-

¹⁾ Бесѣда 31 на посланіе къ Римлянамъ, п. 16.

быванія отшедшихъ душъ. Это описание не имѣть несомнѣнной достовѣрности, но имя святаго отца придаетъ интересъ этому описанію, и мы считаемъ не излишнимъ представить вамъ, какъ изображали это мѣсто пребываніе превиѣ писатели христіанскіе. Адъ, по представлению Ипполита, неустроенное подземное мѣсто, въ которомъ не свѣтитъ свѣтъ мѣра. Въ адѣ Ипполитъ видитъ три отдѣленія. Одно отдѣленіе-озеро неугасимаго огня, въ которое донынѣ никто не вверженъ: оно приготовлено до опредѣленаго Богомъ дня, когда изречется на послѣднемъ судѣ приговоръ, который однимъ назначитъ муку вѣчную, а другимъ вѣчное блаженство. Кроме этого огненнаго отдѣленія, въ аду есть еще два особыя отдѣленія, изъ которыхъ въ одномъ содержатся нынѣ праведные, а въ другомъ грѣшные. Входъ или впускъ въ страну ада одинъ; при вратахъ его поставленъ архангель съ воинствомъ. Вступающіе въ эти врата берутся ангелами, приставленными къ душамъ, и ведутся не однимъ и тѣмъ же путемъ. Праведные идутъ въ правую сторону, въ предшествіи путеводителей, освѣщающихъ путь ихъ, при гимнахъ ангеловъ, ихъ окружающихъ, и приводятся, наконецъ, въ свѣтлое мѣсто. Это мѣсто Ипполитъ называетъ яномъ Авраамовымъ, гдѣ живутъ праведные, наслаждаясь созерцаніемъ благъ, тамъ видимыхъ, ободряя и утѣшаючи себя надеждою на новыя блага, гораздо большія и лучшія видимыхъ тамъ. Тамъ нѣть ни зноя, ни холода; не испытываютъ они тамъ никакого изнуренія, и всегда радостно лицѣ праведныхъ, ожидающихъ покоя и вѣчной жизни на небѣ. А неправедныхъ ангелы мучители влекутъ нальво, и не свободно идутъ они, а ихъ насильно тащутъ, какъ узниковъ. Сопровождающіе ихъ ангелы осыпаютъ ихъ поношеніями и укоризнами, и страшными угрожающими взорами приводятъ ихъ въ трепетъ и потомъ толкаютъ внизъ и тащатъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не ввергнутъ въ мѣсто, лежащее подъ самой геенны. Пребывая вблизи геенны, души непрестанно слышать клокотанье гееннскаго огня и страдаютъ отъ знойнаго чада, идущаго изъ геенны.

Видя страшное зрѣлище бушующаго огня, онъ ужасаются и трепещутъ, ожидая будущаго суда. Не видять онъ тамъ ни лика отцовъ, ни праведныхъ, и это создаетъ имъ новое мученіе. Ибо посрединѣ распостерта глубокая и великая пропасть, такъ что никто изъ праведныхъ не можетъ придти къ нимъ, хотя бы влекло его сюда чувство состраданія¹⁾.

Вотъ какія благочестивыя гаданія мы встрѣчаемъ у отцовъ, сиѣмъ полетомъ мысли уносившихся въ сокровенную отъ насъ область. Они принадлежатъ къ разряду частныхъ мнѣній, какими древніе отцы старались опредѣлить неопределѣленное и освѣтить темное.

Увидимся ли мы на томъ свѣтѣ, узнаемъ-ли другъ друга? Слова Щисанія и сужденія святыхъ отцовъ даютъ намъ основаніе для надежды на это. Господь, въ послѣдней прощальной бесѣдѣ съ учениками, говорилъ имъ: *паки узрю вы, и возрадуетя сердце ваше, и радости ваше я никтоже возметъ отъ васъ* (Іоан. XVI, 22). Апостолы, по слову Господа, увидять Его по смерти, и это видѣніе исполнить ихъ великою радостію, и никто и ничто не умалитъ и не отниметъ отъ нихъ этой радости. Обѣтованіе, обращенное къ апостоламъ, можетъ быть отнесено и ко всѣмъ, вѣрующимъ во имя Господне. И у нихъ отверсты будутъ духовныя очи, и они будутъ видѣть тѣхъ, съ кѣмъ связаны были болѣе или менѣе тѣсными узами, и къ кому, во время земной жизни, пламенѣла любовью и обращалась въ молитвѣ душа ихъ. Будетъ общеніе душъ, и общеніе болѣе широкое, чѣмъ нынѣ, потому что этому общенію не будутъ препятствовать нынѣшнія разстоянія и преграды, которыми затрудняется наше нынѣшнее сближеніе другъ съ другомъ. Если даже не въ однихъ обителяхъ мы будемъ, по отшествіи въ другой міръ,—это не помѣшаетъ тому, чтобы мы увидѣли тѣхъ, кого желали бы видѣть. Евангельскій богачъ, на-

¹⁾ *Patrologia curta, compl. T. X, col. 795—799.*

ходясь въ аду, увидѣлъ Лазаря, бывшаго въ недоступномъ для него лонѣ Авраамовомъ.

На основаніи обѣтованія Господа святые отцы съ полною вѣрою говорять о томъ, что по смерти мы будемъ видѣться съ близкими намъ. „Не видѣвшіе здѣсь другъ друга (говорить св. Ефремъ Сиринъ)¹⁾ увидятся тамъ,—мать узнаетъ, что это ея сынъ, и сынъ узнаетъ, что это его мать“. „Мы здѣсь находимся временно (говорить другой святой отецъ,—священномученикъ Кипріанъ). Будемъ благословлять день, который каждого изъ насть приводить къ собственному его жилищу, который, восхитивъ насть отъ земли и разрѣшивъ отъ мірскихъ узъ, возвращаетъ насть въ рай и въ царство небесное. Кто, находясь въ чужой сторонѣ, не спѣшилъ бы въ отчество? Кто, поспѣшная на корабль къ своимъ, не желалъ бы пламенно попутнаго вѣтра, чтобы скорѣе можно было обнять своихъ друзей?. Насть ожидаютъ тамъ великое множество любезныхъ намъ,—ждеть многочисленный сонмъ родителей, братьевъ, дѣтей, кои, не страшась уже за свою безопасность, заботятся еще о нашемъ спасеніи. Увидѣть ихъ,—обнять ихъ—о, какая это радость для нихъ и вмѣстѣ для насть! Какое тамъ веселіе въ царствѣ небесномъ, гдѣ нѣтъ уже страха смерти, какое высочайшее и всегдашнее блаженство при вѣчной жизни! Тамъ славный ликъ апостоловъ; тамъ сонмы радующихся пророковъ; тамъ безчисленное множество мучениковъ,увѣнчанныхъ за побѣду въ борьбѣ и страданія; тамъ торжествующія дѣвы, силою воздержанія побѣдившія вожделѣнія плоти; тамъ воспріимутъ награду благотворители... Къ нимъ поспѣшимъ съ неудержимою любовію, съ пламеннымъ желаніемъ быть скорѣе съ ними, скорѣе прийти ко Христу“²⁾.

Сохранятся ли полы, мужскій и женскій, въ загробной жизни? Въ священномъ Писаніи есть мѣста, которые даютъ

¹⁾ О страхѣ Божіемъ и о послѣднемъ судѣ.

²⁾ Творенія св. священномученика Кипріана, т. П. Книга о смертности, стр. 255.

поворъ инымъ высказывать мнѣніе, что по смерти уничтожится различіе половъ между людьми. Одно мѣсто читается у апостола, который говоритъ, что въ Христѣ Иисусѣ нѣсть мужескій полъ и женскій, но вси едино суть (Гал. III, 28). Къ этому прибавляютъ еще слово Господа, сказавшаго нѣкогда, что въ воскресеніи, то есть въ будущемъ вѣкѣ, ни живеятъся, ни посияютъ; равни бо суть ангеломъ и сынове суть Божіи (Лук. XX, 35—36). Но слово апостола не имѣть отношенія къ загробной жизни; оно показываетъ только, что предъ Богомъ всѣ равны, и что кто крестился во Христа, тотъ, кто бы онъ ни былъ, одинаково воспользуется благодатію, имъ дарованною, и въ этомъ отношеніи нѣть разницы между мужчинами и женщинами, какъ и между рабами и свободными, іudeями и еллинами. А слово Господа указываетъ только на то, что въ будущемъ вѣкѣ между мужчинами и женщинами не будетъ такихъ отношеній, какія существуютъ нынѣ, по условіямъ земной жизни, но оно не говоритъ, что тогда не будетъ ни мужчинъ, ни женщинъ. Для нашего вопроса гораздо важнѣе и ближе другое слово Господа, который на вопросъ: дозволительно ли по всякой винѣ разводиться съ своей женою? отвѣчалъ: нѣсте ли чли, яко сотворивъ искони, мужескій полъ и женскій сотворилъ я естъ (Мате. XIX, 4)? Сотворенное изначала Богомъ не можетъ уничтожиться. Мужъ и жена, при началѣ бытія міра, воззваны Творцомъ къ жизни не для временнаго только совмѣстительства, а для постояннаго и неизмѣннаго украшенія богозданиаго міра, чему должно служить и служить разнообразіе тварей, населяющихъ міръ. Мы только не должны представлять отношеній между лицами обоихъ половъ, на подобіе нынѣшихъ отношеній. Все тѣлесное, нынѣ часто нечистое, исчезнетъ, и останется одно духовное взаимообщеніе. Если душа, по разлученіи съ тѣломъ, сократить свою самостоятельность, свои личные качества и будетъ имѣть опредѣленный видъ, основаніе которому полож-

жено было земною дѣятельностію, то не могутъ сгладиться различія, отличающія одинъ полъ отъ другого. Только эти различія будутъ духовнаго свойства, какъ и не можетъ быть иначе, когда тѣло истлѣеть въ могилѣ. Да и въ здѣшней жизни не одна тѣлесная организація служить основаніемъ различенія пола мужскаго и женскаго. Въ душевномъ складѣ мужчины и женщины, при общемъ родовомъ сходствѣ, много видовыхъ отличій: если у мужчинъ, напр., преобладаетъ умственная сила, то у женщины, напротивъ, сердечная; у мужчины болѣе проявляется дѣятельная сторона, у женщины болѣе воспринимающая; у первого болѣе твердый, иногда жесткій характеръ, а у второй болѣе мягкий и нѣжный. При общемъ сходствѣ каждая особь имѣеть въ душѣ нѣчто свое, ей только принадлежащее, и отличается отъ другихъ особей. Есть различные чины ангеловъ, и въ безчисленномъ сонмѣ ихъ каждый имѣеть и сохраняетъ свою особную личность. И въ загробномъ мірѣ будутъ различные чины людей. Между сонмами праведниковъ будутъ сонмы праведницъ, тамъ мученики и мученицы; тамъ апостолы и равноапостольные жены; тамъ преподобные иноски и преподобныя иноски, тамъ святители и жены муроносицы, и зданими другія жены, послужившия дѣлу Господню на землѣ, и во главѣ жень будетъ Пресвятая Матерь Божія. Но она, а за нею и всѣ другія, идущія во слѣдъ ея, не сольются съ сонмомъ мужей, но сохранять свою женственную природу, имъ отъ Бога данную. Мужи и жены, по слову апостола Петра, одинаково сонаследницы благодатной жизни (1 Петра III, 7),—жены святыя, вмѣстѣ съ мужами, предстоять престолу Божію и возносять Богу моленія, хвалы и благодаренія. У св. Григорія Великаго описывается смерть нѣкоей благочестивой Ромулы, проводившей жизнь пустынническую, и онъ говорить при этомъ, что въ часъ смерти ея предъ дверями келлія явилось два хора ангеловъ, и какъ увѣряли ся ученицы, онъ различали полы по голосамъ: мужчины на-

чинали п'ять, а женины имъ вторили¹⁾). „Тогда (говорить блаш. Августинъ) изгнано будетъ изъ плоти все нечистое, а сама природа ея сохранится. Потъ женины вовсе не есть недостатокъ, но природа, которая тогда, конечно, не будетъ ни зачинать, ни рождать, но будетъ продолжать существовать въ женской организації для новаго украшенія, и никогда она не будетъ возбуждать похоти того, кто будетъ созерцать ее, а, напротивъ, она послужитъ новою причиною прославлять мудрость и благость Бога, который нѣкогда сотворилъ то, чего не было, и избавилъ отъ тлѣнія то, что сотворилъ. Кто такимъ образомъ сотворилъ оба пола, тотъ и сохранитъ ихъ“.

Что мы должны думать о душахъ младенцевъ, скончавшихся до раскрытия полнаго самосознанія, а иногда умирающихъ въ день своего рождения? Ужели и у нихъ будетъ сознательная жизнь по смерти? Отъ чего же и не такъ! Душа, разъ воззванная къ жизни силою Божіею, уже не можетъ потерять ее, не можетъ потерять то, что дано ей Богомъ. Мало жили и заявили себя въ этомъ мірѣ младенцы, умершіе на зарѣ своей жизни, но предъ Богомъ и часть одинъ, какъ сотня лѣтъ, и тысяча лѣтъ, какъ день одинъ. Душу дитяти можно сравнить съ зерномъ, обладающимъ жизненною силою. Зерно, посаженное на одномъ, мѣстѣ и потомъ перемѣщеннное на другое, не пропадаетъ, но въ новомъ мѣстѣ даетъ отпрыскъ, соотвѣтственно своей природѣ, и развивается въ цѣльный организмъ. Такъ точно и душа. У дитяти она не могла проявить себя во внѣшнемъ мірѣ, при маломъ развитіи органовъ сношенія съ міромъ. Но внутренняя жизнь души дитяти, начавшаяся здѣсь, будетъ продолжаться и развиваться по смерти тѣла,—будетъ развиваться, не возмущаемая соблазнами міра и похотями плоти, и пойдетъ именно тѣмъ прямымъ путемъ, какой предписанъ человѣку исперва, и какой ведеть къ Богу и въ царство не-

¹⁾ Григорія Двоеслова бес. на Евангеліе 40, п. II. Пер. арх. Клиmenta, кн. 2, стр. 331—4.

бесное. Память ея не будетъ отягчена представлениемъ треволнений и паденій, нами испытываемыхъ, но тѣмъ чище будетъ ея внутреннее состояніе, и тѣмъ безпрепятственнѣе восхожденіе къ высшему совершенству. Премудрый представляеть дѣломъ любви Божией преждевременное восхищеніе, изъ среды живыхъ, людей, благоугодныхъ Богу. Благость и премудрость Божія потому преждевременно беретъ иныхъ изъ среды живыхъ, чтобы злоба не измѣнила разума ихъ, или коварство не прельстило души ихъ (Прем. Сол. IV, 11). И Господь дѣтямъ усвояеть особое право на наслѣдіе благъ небесныхъ и на участіе въ царствіи Божиемъ. Таковыхъ (указывая на дѣтей, говорить Онъ) есть царствіе Божіе (Лук. VIII, 16. Мате. XIX, 14). (Мате. XVIII, 3). Само собою разумѣется, что если дѣти, по словамъ Господа, являются преимущественными наслѣдниками царства небеснаго, то они будутъ въ немъ жить полною сознательною жизнью. Согласно съ этимъ учать и святые отцы. По учению ихъ, степень блаженства младенцевъ прекраснѣе, нежели дѣственниковъ и святыхъ: они чада Божія, питомцы Святаго Духа. Св. Іоаннъ Златоустъ въ уста младенцевъ, вкушившихъ смерть при самомъ началь бытія своего, влагаетъ такую рѣчь къ оплакивающимъ ихъ родителямъ: „не плачте: исходъ нашъ и прохожденіе воздушныхъ мытарствъ, въ сопровожденіи ангеловъ, было безпечально. Діаволы ничего въ насть не нашли, и милостію Владыки нашего Бога мы находимся тамъ, гдѣ пребываютъ ангелы и всѣ святые, и молимся о васъ Богу“. „О мнѣ не рыдайте (возглашаетъ церковь отъ лица младенца въ чинѣ его погребенія): нѣсмъ бо плачевній; младенцемъ бо опредѣлися праведныхъ всѣхъ радость“.

Эти соображенія, основанныя на словахъ Писанія и святыхъ отцовъ, мы считаемъ не излишнимъ дополнить сужденіями людей, стоящихъ на другой рационалистической точкѣ зрѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ, обсуждая законы жизни человѣческой, утверждаютъ, что душа младенца, не успѣвшая здѣсь

заявить себя, будетъ развиваться и жить сознательно жизнію въ потустороннемъ, загробномъ мірѣ. Упомянутый нами раньше Сабатеъ такъ разсуждаетъ по этому вопросу: „Душа ребенка (говоритъ онъ) представляетъ изъ себя группу еще не полную, аккумуляцію психической силы еще слабую, степень организаціи и связи еще не совершенную, но внутренній принципъ эволюціи, прогрессивное стремленіе, а следовательно безсознательное эволютивное направлениe не только не бездѣятельны, напротивъ, чрезвычайно сильны. Душа ребенка обладаетъ громадною сознательною способностію, которая дастъ ей возможность образовать для своихъ составныхъ частей довольно крѣпкую связь. Здѣсь действительная сила производить до некоторой степени скачекъ. Это домъ, построенный изъ свѣжаго и здороваго матеріала, но скрѣпленный цементомъ, который только что начинаетъ твердѣть... Нѣтъ ничего невозможнаго считать душу ребенка, достигшую известной степени прочности, зародышемъ, способнымъ вступить въ загробную жизнь для того, чтобы завершить свое развитіе тамъ, въ новыхъ и болѣе благопріятныхъ условіяхъ; здѣсь совокупность психическихъ силъ души ребенка перерабатывается и формируется въ той же средѣ, что и совокупность психическихъ силъ взрослого человѣка... Душа ребенка есть натянутая пружина, упругость которой быстро растетъ. Душа ребенка — метательный снарядъ, быстро пролетающій начальную часть своей траекторіи. Если на его пути и встрѣтится какое-либо препятствіе, то въ немъ всегда найдется достаточный запасъ силы для рикошета и для того, чтобы сообщить ему новый полетъ въ другой области пространства¹⁾“.

Какимъ языкомъ говорять, или какъ сообщаются между собою души, отпѣдшія отъ насъ въ загробный міръ? Средства

¹⁾ Сабате. Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціонаго натурализма, пер. Обреимова, стр. 152—153.

сообщенія между душами въ загробномъ мірѣ будуть не такія, какими мы нынѣ пользуемся. У нихъ нѣтъ нашихъ тѣлесныхъ органовъ, при посредствѣ которыхъ мы произносимъ слова и ведемъ разговоръ. Нашъ нынѣшній языкъ, наши членораздѣльные звуки и слова, въ которыя мы облекаемъ свои мысли и желанія, и чрезъ которыхъ дѣлаемъ ихъ понятными и удобо-приемлемыми для другихъ, служатъ намъ, пока мы пребываемъ въ тѣлѣ. Тамъ въ загробномъ мірѣ, будетъ другой языкъ, о которомъ мы не можемъ составить какого-либо яснаго представленія. Когда апостолъ Павелъ восхищень бытъ въ рай, онъ слышалъ тамъ *неизреченные глаголы, ихже не льтъ есть человѣку глаголами* (2 Кор. XII, 4), которые не доступны человѣку въ его настоящемъ состояніи. Другой разъ онъ упоминаетъ о языкахъ ангельскихъ и отличаетъ ихъ отъ языковъ человѣческихъ (1 Кор. XIII, 1). Въ высшемъ ангельскомъ мірѣ, по свидѣтельству апостола Павла, существуютъ свои средства выраженія помысловъ и желаній, предъ которыми являются слабыми и несовершенными употребляемыя нами средства сообщенія. Ангелы возносятъ хвалы Богу и ангелы велимы гласомъ воспѣваютъ славу и премудрость, силу и крѣпость Вседержителя (Апок. VII, 11—12), и они входятъ въ живое взаимообщеніе между собою. И нашей духовной природѣ, по отдѣленіи ея отъ тѣла, будутъ дарованы новыя духовныя средства сообщенія и выраженія внутреннихъ помышленій и желаній, болѣе совершенныя, чѣмъ тѣ, какими мы нынѣ пользуемся, или она сама выработаетъ ихъ, при пособіи присущихъ ей силъ, полученныхъ ею отъ Творца. Мы видимъ въ мірѣ, настѣ, окружающемъ: низшія настѣ существа, птицы или животныя четвероногія, не владѣютъ такимъ средствомъ сообщенія, какимъ служить нашъ языкъ, пользующійся членораздѣльными звуками и обладающій неисчерпаемымъ обиліемъ словъ; но они не лишены способности передавать однороднымъ существамъ то, что просится у нихъ наружу: они зовутъ одни другихъ, они

выражаютъ звуками свое удовольствіе, пріязнь или свой гнѣвъ, и эти выраженія ихъ внутренней жизни понятны для нихъ и достаточны для поддержанія жизненнаго взаимообщепія между ними. Этотъ языкъ животныхъ, въ общемъ понятный и для настъ, не можетъ быть сравниваемъ, по своему совершенству, съ нашимъ разумнымъ языкомъ, въ которомъ находить свое облаченіе не только наши простыя желанія, но самыя возвышенныя мысли и чувства. Чѣмъ выше наша природа въ сравненіи съ природою животныхъ, тѣмъ выше и совершеннѣе языкъ нашъ. Но не будетъ ли подобной разницы между нашимъ нынѣшнимъ языкомъ и тѣмъ языкомъ, какимъ будутъ пользоваться чисто духовныя существа? Можетъ быть, тѣ неизреченныя глаголы, какими будутъ сообщаться между собою и выражать свое внутреннее содержаніе наслѣдники духовнаго міра, будутъ настолько же совершеннѣе нашего нынѣшняго языка, насколько нашъ членораздѣльный языкъ совершеннѣе языка животныхъ и птицъ. Они поинѣе могутъ выражать внутреннее содержаніе души, и передача этого содержанія ея не будетъ ограничиваться такими тѣсными предѣлами пространства, какими нынѣ ограничиваются звуки словъ, нами произносимыхъ.

Большой интересъ для вѣрующей души представляютъ сказания отцовъ, подробно изображающія переходъ души изъ здѣшняго міра въ другой міръ, и начальные моменты новаго бытія ея, по разлученіи отъ тѣла, и хотя бесѣда моя затягивается, вы позволите мнѣ передать вамъ вкортокъ эти сказанія и сужденія, на нихъ основаныя.

Минута смерти,—минута страшная, поражающая душу. Святому Макарію александрийскому повѣдали явившіеся ему ангелы, что душа, какъ благочестиваго, такъ и неблагочестиваго человѣка, приходитъ при смерти въ испугъ. Она слышитъ и понимаетъ слезы и рыданія окружающихъ ее, но не можетъ произнести ни одного слова, ни подать голоса. Ее смущаетъ предлежаній ей невѣdomый путь, новый образъ жизни и разлу-

ченіе съ тѣломъ, съ которымъ она была соединена, и которое служило ей.

Эти немногія черты, указанныя святымъ отцомъ, подъ искуснымъ перомъ одного нашего проповѣдника, превращаются въ такую поразительную картину. „Вотъ наступаетъ (говорить онъ) послѣдній часъ человѣка въ этомъ мірѣ. Болѣзнь, приблизившая его къ смерти, уже прекратилась; она подорвала основы тѣлескаго организма и сдѣлала его неспособнымъ къ дальнѣйшей дѣятельности въ настоящемъ его видѣ, и тѣло уже не служить духу. Тогда жизнь души начинаетъ отторгаться отъ частей и органовъ тѣла, въ которыхъ доселе дѣйствовала. Судорожныя движенія и необычайные потрясенія всего организма показываютъ, какъ усиленно, какъ жестоко это отрѣшеніе души отъ тѣла, и чѣмъ крѣпче организмъ, чѣмъ сильнѣе была привязанность духа къ тѣлу, тѣмъ сильнѣе эти сотрясенія, потому что тѣмъ болѣе силы нужно духу, чтобы оторваться отъ тѣла. Но тутъ не одни физическія страданія. Трепещетъ душа, чувствуя свое невольное быстрое приближеніе къ вѣчности; въ трепетѣ она силится какъ-будто остановиться на этомъ страшномъ пути; она порывается какъ бы уклониться отъ тѣхъ ужасовъ, какіе ее ожидаютъ, или овладѣть собою и этими самыми ужасами, чтобы спокойнѣе и смѣлѣе пройти...“

Но вотъ человѣкъ умираетъ. Еще въ то время, какъ въ низшихъ степеняхъ и силахъ душевной жизни происходитъ предсмертная борьба, во внутреннѣйшей жизни духа, въ высшей сфере его духовнаго бытія совершается другое. Тамъ слабѣе узы тѣла; поэтому духъ человѣка скорѣе и легче отрѣшается отъ условій времененной жизни, и тогда, какъ внизу его долго еще длится борьба, онъ у себя вверху самъ собою освобождается, и еще прежде рѣшительной смерти тѣла, онъ уже витаетъ, какъ будто, виѣ тѣла. Человѣку начинаетъ уже открываться вѣчность; онъ уже подходитъ къ рубежу ея. Онъ еще видѣть, хотя тускло и нераздѣльно, земные предметы,

еще слышитъ, хотя неразборчиво, здѣшніе звуки, еще ощущаетъ въ себѣ, хотя и смѣшанно, земные чувства; но уже сказывается ему и другая жизнь. Онъ замѣчаетъ предметы и явленія, невидимыя для другихъ, слышитъ необыкновенные звуки, прозрѣваетъ то, что намъ не можетъ быть известно естественнымъ порядкомъ. Еще не сколько минутъ,—и человѣкъ переступаетъ въ вѣчность. Вдругъ измѣняется форма его бытія; духъ его видѣть самого себя, свое собственное существо, какъ не видѣлъ его въ тѣлѣ; онъ видѣть предметы и самые отдаленные уже не тѣлесными глазами, а непосредственнымъ разумомъ... онъ говорить не членораздѣльными звуками, а мыслю... не руками осознаетъ предметы, а ощущеніями и чувствами, и предметы самые тонкѣ и прежде для него неуловимые и неосозаемые онъ теперь обнимаетъ въ ощущеніяхъ, какъ бы въ рукахъ; движется одною силою воли, и то, къ чему прежде оль могъ приближаться сть великимъ трудомъ, медленно, чрезъ большія прастранства мѣста и времени, теперь онъ достигаетъ мгновенно, и никакія вещественныя препятствія его уже не задерживаютъ. Невыразимымъ ужасомъ поражаетъ его открывающаяся вѣчность; ея безпределность поглощаетъ его ограниченное существо; всѣ его мысли и чувства теряются въ ея безконечности. Онъ видѣть предметы, для которыхъ у насть нѣть ни образовъ, ни названій, слышитъ то, что на землѣ не можетъ быть изображено никакимъ голосомъ и звукомъ; его созерцанія и ощущенія не могутъ быть выражены у насть ни на какомъ языке и никакими словами. Онъ встрѣчаетъ тамъ и подобный себѣ существа и узнаетъ въ нихъ людей, отшедшихъ изъ здѣшняго міра. Но это уже не здѣшнія лица и не земные тѣла; это однѣ души, вполнѣ раскрывшіяся со всѣми ихъ внутренними свойствами. Потомъ встрѣчаются ему существа, также сродныя ему по естеству, но такія, одно приближеніе которыхъ даетъ ему чувствовать неизмѣримо высшую надѣніе силу ихъ. Одни изъ нихъ выходятъ изъ глубины без-

предѣльного мрака... а тамъ далѣе, духъ видить безконечное море непостижимаго свѣта, изъ которого выходятъ другія существа, еще болѣе могучія; ихъ природа и жизнь—неизобразимое совершенство, невыразимая любовь; неописанный свѣтъ наполняетъ все существо ихъ и сопровождаетъ каждое движение. Въ этомъ чудномъ мірѣ духъ человѣканичѣмъ нестѣсняемый, силою своей духовной природы и неодолимою силою притяженія сроднаго ей міра, летить, летить все далѣе и далѣе, до того мѣста или лучше сказать, до той степени, до какой могутъ достигать его духовныя силы, и весь поразительнымъ образомъ перерождается”¹⁾.

Нѣкоторую аналогію начало новой жизни, по разлученіи души отъ тѣла, имѣеть съ началомъ нашей жизни, по оставленіи утробы матери. Въ насть не было сознанія, когда мы жили или начинали свое существованіе въ тѣсной храминѣ матерней утробы. Но когда патушилъ часть явленія нашего на свѣтъ, на широкое земное поприще, болѣзниныя ощущенія, испытываемыя нѣжнымъ тѣломъ, вызывали невольный плачъ въ живомъ существѣ, очутившемся въ новыхъ для него условіяхъ жизни. Подобныя ощущенія испытываются и переживаются душою, когда приходитъ ей часть разстаться съ тѣломъ и оставить здѣшній матеріальный міръ, съ которымъ она сдружилась и считала себя неразлучною, и когда предъ нею открываются врата нового міра, врата вѣчности. Только эти ощущенія чувствуются уже не разлагающимся тѣломъ, а душою, обнаженною отъ матери. Міръ, открывающійся предъ нами послѣ рожденія, несравненно шире утробнаго вмѣстилища матернаго. А міръ, открывающійся для души, по оставленіи ею тѣла, не связанный тѣсными формами пространства, гораздо шире и удобоподвижнѣе міра матеріального, нынѣ нами обитаемаго. Величие и удобоподвижность этого міра, новыя условія жизни въ немъ, прежде невѣдомыя и не предошущаемыя нами, не могутъ не поражать души, внезапно

¹⁾ Бесѣды, лоученія и рѣчи Іоанза, єпископа Смоленскаго. Слово въ день Успенія Божіей Матери (15 августа 1867 г.), стр. 179—184.

въ немъ очутившайся. Состояніе души, при отдѣленіи отъ тѣла (говорить со словъ св. Оеодоры св. Григорій, ученикъ Василія новаго), „подобно тому, какъ если бы обнаженному пришлось пачь огонь и горѣть“.

Душа (говорить св. Іоаннъ Златоустъ) не сама собою отходитъ въ ту жизнь, такъ какъ это и невозможно. Если мы, переходя изъ города въ городъ, имѣемъ нужду въ руководителѣ, то тѣмъ болѣе душа, истогнутая изъ тѣла и переселяющаяся въ будущую жизнь, нуждается въ путеводителяхъ. Поэтому часто она, готовясь выдти изъ тѣла, то возвышается, то ниспадаетъ, и страшится и трепещетъ¹⁾). Душу умирающаго воспринимаютъ ангелы, и они являются ея руководителями, въ новомъ для нея мірѣ.

Но вотъ душа отрѣшилась отъ тѣла и дѣлаетъ, такъ сказать, первые шаги въ новомъ мірѣ, сопровождаемая небесными путеводителями. Какъ говорить св. Макарій александрійскій, передавая бывшее ему ангельское откровеніе, душа, по отдѣленіи отъ тѣла, не оставляетъ сразу мѣста своего обитанія,—въ теченіе первыхъ двухъ дней она пребываетъ на землѣ и, сопровождаемая ангелами, посыпаетъ мѣста для нея памятныя, скитаются около дома, въ которомъ разлучилась съ тѣломъ и пребываетъ около гроба, въ которомъ покоятся ея тѣло. Въ третій день, когда тѣло предается землѣ, она возносится на небеса для поклоненія Богу. Поэтому въ третій день возносятся въ церкви особенно усердныя молитвы объ упокоеніи души усопшаго.

По изображеніямъ отцовъ, сорокъ дней продолжается возвращеніе души въ новомъ мірѣ или ея восхожденіе въ уготованныя ей обители. Въ теченіе первыхъ сорока дней по смерти, душа еще не находить и не получаетъ опредѣленнаго мѣстоудѣбованія. Она носится въ воздушныхъ пространствахъ, между небомъ и землею.

¹⁾ Св. Іоанна Златоуста о Лазарѣ. П. п. 2. Твор. св. Іоанна Злат. т. I, кн. 2, стр. 792.

Когда носится душа по воздушнымъ пространствамъ (такъ представляютъ святые отцы), ее окружаютъ духи злобы, слуги князя власти воздушныя (Еф. II, 2), воспяшауть путь ея и стараются овладѣть ею. Но въ то же время ее охраняютъ добрые ангелы, и въ особенности ангель хранитель, который былъ приставленъ къ человѣку, со дня его крещенія, во время его земной жизни.

Это прохожденіе души по воздушнымъ пространствамъ известно въ нашемъ церковномъ учениі подъ именемъ хожденія по мытарствамъ. Мытарства—это своего рода заставы на пути отъ земли къ небу, которыя каждая душа, по различеніи отъ тѣла, должна пройти, чтобы достигнуть горнаго міра или царства небеснаго. Заставы эти охраняются властями тьмы, старающимися воспрепятствовать душѣ при восхожденіи ея на небо. Во время прохожденія души чрезъ мытарства она находится въ волненіи и страхѣ, не зная, чѣмъ кончится ея испытаніе. Если душа старалась вести благочестную и богоугодную жизнь, и покаяніемъ заглаждала грѣхи, ею содѣваемые, ее воспринимаютъ и ею руководятъ ангелы, и сопровождаемая небесными силами, она легко течетъ и возносится въ царствіе Божіе. А если окажется, что она проводила жизнь въ грѣхѣ, нерадѣніи и невоздержаніи, и не считала нужнымъ прибѣгать къ очистительному средству покаянія, тогда ее, омраченную и отягченную грѣхомъ, оставляютъ ангелы Божіи, а берутъ страшные демоны, и ввергаютъ въ страну печали и мрака, въ мѣста преисподнія, въ жилища подземныя и темницы адскія.

Въ продолженіе сорока дней по смерти душа проходитъ по воздушнымъ мытарствамъ. Поэтому въ эти дни особенно необходимы молитвы за усопшихъ, которыя могутъ облегчать ихъ трудный путь къ небу, привлекая къ нимъ благовolenіе Божіе. Сорокъ дней душа усопшаго прививается близъ пасть, не отрѣшаясь совершенно отъ земнаго жилища. И Господь Иисусъ Христосъ, по воскресеніи своемъ, сорокъ дней пре-

бывалъ на землѣ, являясь неоднократно апостоламъ и другимъ вѣрующимъ, а въ сороковой день вознесся отъ земли на небо. Этимъ Онъ какъ бы предуказалъ путь, какой предлежитъ каждой душѣ, когда она должна перейти изъ этого міра въ другой, горній міръ. Въ сороковой день душа возносится на поклоненіе Богу, и потомъ наслѣдуется мѣсто своего покойца, соотвѣтственно дѣламъ своей земной жизни, въ которомъ пребываетъ до послѣдняго всеобщаго суда Христова, отчего въ этотъ день въ церкви совершаются моленія о блаженномъ успеніи усопшаго.

Досегъ мы говорили о ближайшей судьбѣ, ожидающей насть по смерти. Но то, что мы изображали, еще не конецъ. Виереди у всѣхъ насть, въ отдаленномъ, непримомъ нами, времени, страшный послѣдній судъ, послѣ котораго воздастся каждому по дѣламъ его. Чувство мое нудить меня сказать нечто объ этомъ предметѣ величайшей важности. Но я не могу не сознавать, что бесѣда моя переступаетъ должностные границы, и я, уже утомивъ васъ своимъ протяженнымъ словомъ, опасаюсь злоупотреблять вашимъ вниманіемъ. Позволяю себѣ, впрочемъ, просить васъ выслушать терпѣливо нѣсколько краткихъ словъ о предметѣ, котораго не исчерпать цѣлодневною бесѣдою.

Страшный судъ! Занятые суетою житейскою, мы мало и рѣдко воспоминаемъ о послѣднемъ судномъ днѣ, насть ожидающемъ! Какъ будто его вонсе не будетъ. Но нѣть, Господь сказалъ, и не можно слово Его. Настанетъ часъ кончины міра, и всѣмъ намъ нужно будетъ явиться предъ судищемъ Христовыムъ. *Послетъ Господь ангелы своя съ трубнымъгласомъ велиимъ, и соберутъ избранныя ею отъ четырехъ вѣтровъ, отъ конецъ небесъ до конецъ ихъ* (Ме. XXIV¹ 31). Какъ представимъ мы предъ праведнымъ Судиєю? И что увидимъ тогда? Нѣкіе христолюбцы просили одного учителя, отличавшагося разумѣніемъ сверхъестественныхъ вѣцей,

повѣдать имъ о томъ, что будетъ съ нами грѣшными, по окончаніи вѣка. „Увы мнѣ, братія мои возлюбленные (отвѣчалъ учитель)! Желаю сказать, что будетъ, но удерживаетъ меня страхъ, осуждааетъ у меня голосъ, слезы предваряютъ слово, мутится мысль; потому что повѣствованіе страшно“. „Скажи, ради Господа, для нашей пользы“ (говорили христолюбцы)! Учитель, заплакавъ, и ударяя рукою въ перси, отвѣчалъ имъ такъ: „Братія мои христолюбивые! Какую скорбную повѣсть желаете вы слышать? О, страшный и трепетный часъ! Увы, увы, возлюбленные мои! Кто осмѣлится пересказать, или у кого достанетъ силы выслушать сіе страшное повѣствованіе? У кого есть слезы, плачьте, плачьте, а кто не имѣеть слезъ,— приидите, выслушайте, что ожидаетъ васъ, чтобы вамъ не быть иерадивыми о своемъ спасеніи... Тогда разлучены будуть родители и чада, друзья съ друзьями, сродники съ сродниками. Тогда грѣшники, изгоняемые, понуждаемые и бичуемые свирѣпыми демонами, побѣгутъ, скрежеща зубами и все чаще и чаще обращаясь назадъ, чтобы видѣть праведныхъ, съ которыми разлучены. И увидятъ ту радость и тотъ свѣтъ, съ которыми разлучены, и горько станутъ плакать и, паконецъ, сокроются, потерявъ возможность видѣть что-либо позади себя. И приблизятся къ самому страшному мѣсту, гдѣ будутъ распределены на всѣ роды муки. Тогда, видя, что идти за нихъ ходатаевъ, и не будеть помилованія, съ горькимъ рыданіемъ скажутъ: О, сколько времени погубили мы въ иерадѣніи! О, какъ насмѣялся надъ нами суетный міръ! Видя себя совершенно оставленными Богомъ и святыми, съ вздохами и горькими слезами взывая, скажутъ: „простите, святые и праведные; простите, друзья и сродники, отцы и матери, простите, сыновья и дочери; простите, апостолы; простите, пророки и мученики Господни; прости и ты, Владычица Благородица, много потрудившаяся въ молитвахъ о нашемъ спасеніи; но мы сами не хотѣли покаяться и спастиесь; прости и ты,

честный и животворящий крестъ; прости, рай сладости, на-
сажденный Господомъ; прости, царство небесное, которому
не будетъ конца; простите всѣ: мы не увидимъ уже никого
изъ васъ, и идемъ на осужденіе, которому не будетъ конца
и послабленія. И пойдетъ каждый въ уготованное мѣсто, на
вѣчныя и лютыя муки” ¹⁾.

Но да не смущается сердце ваше. Страшенье судъ, но
милостивъ Богъ и человѣколюбивъ Господь нашъ Іисусъ Хри-
стосъ, которому дать Отецъ судъ надъ нами. Господь не хо-
щетъ смерти и погибели ни единаго грѣшника (Іезек. XXXIII,
11. XVIII, 32), а всѣмъ хощетъ спастися (Тим. XI, 4).
Спасеніе наше такъ дорого для Отца небеснаго, что для
искупленія и избавленія насть надшихъ Онъ не пощадилъ
возлюбленнаго Сына своего (Іоан. III, 16, Рим. VIII, 32), и
Сынъ Божій, явившись во плоти, претерпѣвъ крестныя стра-
данія, чтобы насть всѣхъ спасти и возвести на небо (2 Петр. III,
9), и всѣмъ доставить блаженство и животъ вѣчный (Іоан.
III, 16—17). Св. Іоаннъ Златоустъ, изображая благую волю
Божію о насть, говоритъ, что „Богъ для того создалъ насть и
привелъ въ бытіе, чтобы сдѣлать насть участниками вѣчныхъ
благъ, даровать намъ царство небесное, а не для того, чтобы
ввергнуть въ геенну и предать огню; геenna—это не для
насть, а для діавола; для насть же издревле устроено и угото-
вано царство. И мы сами уже уготовимъ себя огню, когда
будемъ жить не по заповѣдямъ ²⁾, и когда, согрѣшая, не будемъ
просить помилованія и очищать себя покаяніемъ. Съ
вѣрою и упованиемъ предадимъ себя Богу, и послѣдуемъ гласу
Его, зовущему насть ко спасенію, раздающемуся неумолично
въ Его святой церкви, и тогда на страшномъ судѣ мы услы-

¹⁾ Св. Ефрема Сириня слово 38 о всеобщемъ воскресеніи и второмъ при-
шествии Господа Іисуса Христа. Твор св. Ефрема. Т. Ш, стр. 19—22

²⁾ Св. Іоанна Златоуста къ Феодору падшему увѣщаніе. Творенія св.
Іоанна Златоуста, изд. Спб. Акад. Т. I, стр. 11

шимъ вожделѣнныи зовъ: *пріидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мате. XXV, 14). По слову одного тайновріителя, любящимъ Бога уготованы такія блага, ихже око не видѣть, ихже ухо не слышитъ, и на сердце человѣку не взыдомитъ (1 Кор. II, 9), и человѣческій языкъ безсиленъ изобразить всю силу и усладу благъ этихъ (2 Кор. XII, 4) А другой тайновріитель завѣряетъ, что, когда явится Судія и Раздаѧтель всѣхъ благъ, живущій во свѣтѣ непреступнѣмъ, мы подобни Ему будемъ (1 Іоан. III, 2). И избавленніи Господомъ пріидутъ въ Сіонъ (т. е. въ царство Божіе), съ радостію, и радость вѣчная надъ главою ихъ: надъ главою ихъ хвала и веселіе, и радость пріиметъ я, и отбъже болѣзнь и печаль, и воздыханіе (Іс. XXXV, 10).

В. Пивницкій.